

312R

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧНАЯ

yulia ya

18+

Их союз олицетворяет Инь и Ян. Она — белый свет в конце туннеля, олицетворение жизни, цветок, распутившийся во тьме. Он же — крошечная тьма, сама смерть во плоти, от него даже реет преисподней. Но смерть и жизнь — не противоположности. Смерть — это лишь продолжение жизни. Одна фаза существования всего живого дополняет другую. Без первой не будет второй, как и наоборот.

Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер.

(М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»)

17 июля 2021 года.

Перекресток, черный внедорожник. Белая вспышка, вслед за которой следует удар. Наступает непроницаемая темнота, пока звучат чьи-то крики.

— Вот же черт! Полуумок, в 103 звони, чего сидишь! Эй, только не вырубайся, смотри на меня, — последние слова, прежде чем перед глазами все затянет черной пеленой.

19 августа.

Открыв глаза, девушка увидела, как мать, плача, сжимала ее руку. Голова гудит и словно набита ватой, а главная героиня даже не помнила, что именно с ней произошло. Она находилась в реанимации, и ее тело оставалось живым все это время лишь благодаря множеству подключенных к нему проводов, медицинских приборов и капельниц, в то время как в окно ярко и весело сияло летнее солнце. Будто бы ничего и не случилось.

— Где... — прохрипела девушка, после чего почти сразу же скрутилась в приступе кашля.

Женщина заправила рыжие пряди своих волос за уши и теперь у ее лба виднелись побелевшие волоски, вытерла мокрые дорожки с худых из-за несчастья щек и, подняв голову, устремила удивлённый взгляд на дочь.

— Господи. Подожди немного, я сейчас позову врача! — воскликнула родительница и спешно покинула комнату. В палату она вернулась уже вместе со специалистом.

— Что же, Дарья Соколова, — сказал он в заключение, — я полагаю, что спустя неделю вы сможете вернуться домой. А пока что вы очень слабы. В любом случае мы будем действовать исходя из наблюдений за вашим состоянием.

Доктор попрощался и вышел из помещения. Вслед за ним покинула комнату и Яна. Дарья же проваливается в крошечную тьму сновидений. Сил ни на что нет. А ей еще предстоит выяснять у матери, что же все-таки произошло...

Дарья мчится по лесу. Каждый миллиметр ее тела покрывают ссадины от падений и царапины от веток, в рыжих локонах запутались листья, белые носы конверсов выпачканы в земле, а подбородок кровоточит. Позади ее догоняют тяжелые шаги, едва не наступая на пятки. Чья-то худая рука, с проступающими сквозь кожу суставами и связками, хватает ее за запястье, и...

Шорох, тихий хлопок дверью. Кто-то вошел в палату. Соколова резко распахивает глаза: это лишь ее мама.

— Как ты себя чувствуешь?

— Что со мной произошло? Почему я здесь? — голос хриплый, сухие бледные губы еле шевелятся и подрагивают, а опухшие глаза бегают по лицу собеседницы.

— Как? Ты ничего не помнишь? — в голосе ясно читалось удивление, но Дарья лишь отрицательно помотала головой. — Ты попала в автокатастрофу, — Яна (такое имя носила

ее мать) сглотнула ком в горле. — Напилась, и... Боже, можно я не буду это рассказывать?

Дарья ошарашено раскрывает рот, хочет еще что-то спросить, но вновь закашливается. Яна подает ей стакан воды.

— Через пару дней человек, который тебя спас, придет с тобой пообщаться. Он... беспокоился. — Мнение Соколовой, похоже, никого не интересовало. Мать пожала плечами, бросила черствое «поправляйся», и вышла из палаты, негромко затворив за собой дверь. «Что вообще происходит?»

Дарья опять забылась сном, так толком ничего и не съев. Собственно она была даже рада тому, что смогла избежать очередного приема пищи — анорексия (и не только она) напоминала ей о себе каждое мгновение жизни с четырнадцати. Порой Дарье казалось, что пищевое расстройство может умереть только вместе с остановкой ее сердца.

21 августа.

Соколова резко подорвалась с кровати, приняв сидячее положение. На этот раз она проснулась не из-за кошмара. Виной ее пробуждению был настоящий стук в дверь. Кому Дарья могла понадобиться в такое раннее время, учитывая, что на небе еще остались розоватые следы от восхода?

В сознании всплыли материнские слова, озвученные ей не так давно: «через пару дней человек, который тебя спас, придет с тобой пообщаться. Он... беспокоился».

«Точно. Ему»

Она даже не успела ответить на этот безмолвный запрос разрешения войти: в комнате оказался мужчина, которому из-за своего роста пришлось даже немного наклонить голову, лишь бы пройти в дверной проем. Худое (или даже истощенное?) телосложение, черные с шоколадным отливом волосы собраны в слабый пучок на затылке, а глаза, напоминающие два уголька, сверкнули от упавшего на них луча солнца.

— Наконец вижу тебя в нормальном состоянии, — тихо проговорил он, поначалу пытливо всматриваясь в ее лицо, а после отвернулся к окну. Затем едва заметно тряхнул головой, будто что-то вспомнил, отодвинул штору, впуская в помещение солнечный свет, и извлек из кармана брюк упаковку весьма дорогого курева. Тут же опомнился, когда его глаза метнулись к потолку, заметив пожарный извещатель. Рука положила сигареты снова в карман. — Я Алессандро.

Этот молодой человек явно был иностранцем: смуглая кожа, а те слова, что он уже успел произнести, были озвучены с ужасающим акцентом. «Итальянец» — сразу прозвучало в мыслях Соколовой, как только до ушей донеслось его имя.

— Я Дарья, — она оперлась на изголовье больничной кровати спиной, проигнорировав боль по причине выпирающих сквозь кожу позвонков, и принялась неосознанно кусать губу, на которой выступила капля крови. На языке сию секунду почувствовался солоноватый привкус.

— Я знаю, — Алессандро обернулся лицом к Соколовой, и теперь она могла созерцать его впалые щеки и тонкие губы, что изъясляли мрачную усмешку. — Меня волнует иное, но это мы обсудим после твоей выписки. Через неделю я зайду к вам домой. К тому времени ты будешь должна уже пребывать в курсе.

— В курсе чего?

— Все позже, — Алессандро задернул штору, тем самым придав прежний вид помещению, и все же взял в руки пачку сигарет. — Тебе это сообщат твои родители.

— А для чего вы приходили?

— Хотел убедиться своими глазами, что ты действительно пришла в себя и меня не водят за нос, — он направился к выходу. — Приятно было увидеться, до встречи в следующую субботу.

После его визита мирный сон покинул Дарью. За ночь она успела прочесать весь интернет вдоль и поперек в поисках информации о людях, носивших имя Алессандро. В ход пошло все: «Фейсбук», «Инстаграм», «Телеграм» и даже «ВКонтакте» (хотя откуда у него может быть страничка в российской социальной сети?). Ничего. Можно было вечно прокручивать нескончаемую ленту в разделе поиска «люди», ибо Дарья даже не удосужилась поинтересоваться его фамилией, а данное имя довольно-таки распространенное. По этой причине приходилось ориентироваться лишь только на изображения, выставленные в качестве аватарки профилей и свою никчемную память. Почти отчаявшись, Дарья внезапно вспомнила про «Твиттер».

Она даже не сразу поверила своим глазам, которые изрядно покраснели от свечения белого экрана в темноте, когда увидела его фото всего-то шестым в списке аккаунтов. Хоть однажды фортуна соизволила ей улыбнуться.

Дарья радостно касается экрана, и приложение переходит на его страничку, демонстрируя девушке большой серый замок вместо постов и фотографий. Фамилия, естественно, не указана.

«Вот же черт» — она едва удержалась от того, чтобы закричать это вслух. Алессандро закрыл свой профиль, а подавать заявку в друзья явно не входило в планы Соколовой.

Однако кое-что она все же смогла выяснить, ибо не вся информация была утаена: ему двадцать восемь лет, место рождения — Италия, Сицилия, а в друзьях числилось три человека, аккаунты которых тоже были частными, следовательно, недоступными без принятой ими заявки. Этого было достаточно, чтобы начать сходить с ума от пугающей неизвестности, что истощала рассудок девушки целых семь дней: мама наотрез отказывалась рассказывать хотя бы что-нибудь и тут же переводила тему, а звонить отчиму было попросту страшно. Поэтому Дарья только с каждым днем все больше накручивала и изводила себя, строя кошмарные варианты сюжета произошедших ранее событий.

В следующую субботу она обязательно все узнает...

Черный кофе

Не стоит заглядывать под чужие маски. Потому что иногда ты можешь увидеть то, чего совсем не ждешь. Сломанную напрочь психику. Вдребезги искаленную душу. И больные, страшно больные глаза.

(Дарья Романович «Внушение»)

28 августа.

Вот наконец-то бесконечная, как казалось главной героине, неделя подошла к концу. Настала суббота. Сегодня Дарья узнает, что от нее таили все это время родители, поскольку она смогла дождаться выписки.

В палате оказывается человек в белом халате:

— Ну что, вы готовы отправляться домой? — Вы себе даже не представляете, как Дарья счастлива, оставляя сие унылое место!

— Конечно, готова, — зачем-то улыбается сквозь страх девушка. Вот и настало двадцать восьмое августа — тот день, до которого она отсчитывала часы. Но когда он настал, почему-то камень не спешил падать с души, не говоря уже о радости, которая должна была посетить сердце.

Едва лишь специалист выходит из палаты, Соколова принимается собирать вещи. Она чрезвычайно соскучилась по своему дому и это естественно: на расстоянии все плохое со временем забывается. Как только чемодан оказывается раскрытым на полу — вся одежда летит в него.

Спустя половину часа, когда сумки были собраны, а глаза уже начали слипаться, она слышит стук в дверь: заходит ее родительница.

— Тебя выписали? Можем отправляться домой? — Яна смотрит сначала на дочь, вслед за тем на большую спортивную сумку и чемодан, что лежали на больничной кровати. Соколова кивает.

Они выходят на улицу. Трава уже желтеет и становится сухой, сообщая своим видом о весьма скором прибытии осени. Солнце всё еще согревает своими лучами, но уже не так сильно, как в июле. Как же плачевно, что Дарья бездарно потратила целый месяц лета, провалявшись в коме.

Она любила скорость, адреналин: когда в жилах кипит кровь, а вены на висках пульсируют. В такие минуты, когда сломя голову несёшься по ночной московской трассе, совершенно не замечая ничего вокруг, — впереди только асфальт и дорога в прекрасное будущее, — ты наслаждаешься каждым мгновением своей жизни. Это своеобразная медитация, когда только ты есть у себя, и только ты будешь решать, как сложится твоя судьба.

«Но, похоже, что мне придется завязать со своим увлечением»

Из своих мыслей главную героиню вырывает голос Яны:

— Дашуль, — Дарью передернуло. Такую ласковую форму ее имени мама использовала крайне нечасто. Кроме всего прочего, женщина знала, что ее дочь это сокращение раздражает. Стало быть, сегодняшний разговор точно не предвещает ничего хорошего, — что приготовить сегодня на ужин?

Девушка пожала плечами. Она отдала бы предпочтение стакану воды, или чашке

американо: не хотелось после первого за этот август семейного ужина очутиться на коленях в обнимку с белым другом. Булимия, нервная анорексия, а моментами еще и компульсивное переедание (слава небесам, что последнее не наносило визитов уже пару лет) — три в одном.

В этот момент они подошли к черному автомобилю, над номерами которого красовалась марка «BMW». Матовое покрытие, тонированные стекла... У его стоимости наверняка, нулей после первой цифры даже больше, чем у стоимости всех органов Соколовой. И за ними прислал этот автомобиль ее отчим.

Женщины скрылись в машине, которая в ту же секунду сорвалась с места.

Все молчат, словно набрали в рот воды. В автомобильном салоне повисло нерушимое безмолвие. Кажется, Яна тоже нервничает: ногти отбивают ритм известной только ей песни по твердому корпусу сумочки, а лицо обращено окну и полностью сосредоточено на прохожих.

Через некоторое время они проезжали по Успенско-Рублевскому шоссе, а еще через несколько минут их взору раскрылся вид на огромное здание. Стиль барокко, три этажа и массивное металлическое ограждение на пару секунд отразились в серых глазах девушки, пока она не отвела взгляд. Да, ее отчим обожал, обожает и будет обожать роскошь, золото и деньги. Достаточно лишь только взглянуть на его место жительства, чтобы убедиться в том, что это истина.

Две башни по сторонам дома возвышались, точно упираясь в бескрайнее небо и рассекая его. Между ними была еще одна — чуть пониже и с огромными часами. Парадный вход с тяжелыми дверьми, изготовленными из множества крошечных кусочков разноцветного стекла, обрамленные золотой рамой.

Особняк, который больше походит на храм, или дворец, нежели на дом нормальных людей, окружает внушительных размеров сад. Сейчас в нем распустилось и благоухает множество цветов, но в сердце Дарьи отклик находили лишь гладиолусы, подобные холодному оружию, по типу шпаги. От этих цветов реет приятный, сладковатый аромат, который чем-то отдаленно напоминает лаванду в питерском дворе пятиэтажки. Если бы в саду имелась лаванда, главная героиня и не подумала бы смотреть в сторону гладиолусов...

Род Русецких (данную фамилию носил ее отчим) уже несколько столетий проживал в этом месте.

Водитель раскрывает дверь в первую очередь перед Яной, только затем перед Дарьей. Далее извлекает из багажника сумку, ловко подхватывает ее одной рукой и следует за ними.

Вот Соколова уже поднимается в свою комнату на второй этаж: нога ощутимо болит, из-за чего девушка хромотает, но ей еще безумно повезло, что тело и органы не отскребали от асфальта. Внезапно, позади себя она слышит голос отчима, который ее заставляет остановиться и обратить на него внимание.

— Даш, как переоденешься, спустись на кухню: к нам пришел гость и у нас с мамой есть для тебя... очень важный разговор. — Она кивнула Дмитрию и продолжила путь в комнату, что являлась для нее единственным безопасным уголком. Но Дарья даже и не подозревала, что скоро лишится и этого...

В воздухе столовой повис аромат запеченной рыбы, белого вина, и свежих овощей, а из кухни доносится запах вишневого пирога. Значит, что вся семья в сборе, а ужин в самом разгаре.

Алессандро восседает во главе стола — прямо напротив Русецкого. Пока ее отчим накладывает себе уже вторую порцию форели, Дарья терзает вилкой салат, примерно прикидывая его энергетическую ценность: «больше ста там не должно быть» — думалось девушке. С приобретением РПП ты приобретаешь еще и своего личного дьявола — счетчик калорий. Но совесть все равно не позволяла ей поглотить эти овощи просто так: после семейной трапезы она обязательно побежит в свою комнату, и отправит содержимое желудка в пакет. Почему «побежит»? Потому что организм успевает усвоить все калории за считанные минуты.

«Я слишком толстая» — эти мысли возникали в голове Соколовой каждый божий день, хотя она уже весила несчастных тридцать восемь килограмм. Слабительные, мочегонные, сначала по таблетке, затем по блистеру, а сейчас и вовсе по упаковке за один прием. Обмороки, ежедневное взвешивание. Вся ее жизнь состояла из порочного круга «диета, срыв, разгрузочный день, снова диета». Выпадение волос, тонкие ногти. Чувство вины и трясущиеся руки из-за лишних съеденных пятидесяти калорий. Желтые зубы из-за регулярного вызывания рвоты, проблемы с желчным пузырем и абсолютное отсутствие месячных — вот как выглядят настоящие побочные действия расстройства пищевого поведения. И пусть идут к черту все, кто пытаются его романтизировать. Это ни черта не эстетично, не красиво и не загадочно: это больно. Ты просто теряешь интерес к этому миру, к этой жизни. Просто существуешь, радуешься минусам на весах, и готов расплосовать бритвой себе ляжки за привес. Тебя не интересуют мужчины, тебя не интересуют женщины, — тебе интересно лишь то, как поскорее скинуть очередной килограмм или сантиметр.

«Еще пару кило, и будет идеально. Я смогу остановиться, я ведь не слабая» — так все начиналось в далеком шестнадцатом году, когда Дарья имела вес сорок девять килограмм. Казалось, обычный вес для подростка, с ростом метр шестьдесят, но когда она увидела вместо привычной первой четверки цифру пять, она резко изменила свое мнение...

И снова из мыслей ее вырвал голос матери:

— Даш, отнесись, пожалуйста, к тому, что я сейчас скажу — с максимальной спокойностью, — Яна набрала воздуха в легкие. — Ты выходишь замуж, — быстро выпалила она, сдерживая себя от того, чтобы зажмуриться и убежать в другую комнату, в ожидании реакции от дочери.

Соколова подавилась чаем и даже немного расплескала кипяток на свою любимую футболку, игнорируя жжение на коже: она не могла поверить ушам. Что за бред? Она повредила слух в ДТП?

— Что? — Дарья даже переспросила, надеясь, что она лишь ослышалась.

— Ты выходишь замуж, — повторяет за мать отчим.

— Это шутка? Если да, то не смешно. — Яна безмолвно изучала взглядом содержимое своей тарелки, а Дмитрий, бросив короткий взгляд на Алессандро, отвернулся к пейзажу за окном. — Почему вы молчите?

— Ты меня за шута держишь? — практически прошипел Русецкий. — Это не шутка.

— За кого? — выдыхает Дарья.

— За меня, — губы Алессандро скривились в натянутой саркастичной улыбке, обнажая белоснежный ряд зубов, и спустя секунду снова вернулись в исходное положение. — Я с твоим отчимом заключил сделку: я не трогаю вашу семью из-за того инцидента и спонсирую его компанию, а он благословляет наш брак. Сегодня вечером ты переезжаешь ко мне, —

итальянец попробовал салат и нахмурился. — Синьора, передайте, пожалуйста, перец, — его просьба была тут же исполнена, однако, Дарья слишком погрузилась в свои мысли, чтобы обращать внимание на происходящее во внешнем мире. Из ее руки даже выскользнули столовые приборы, с грохотом приземляясь на белоснежную скатерть и оставляя на ней пятна.

— Да это же бред какой-то. — Слеза скатывается по ее щеке, однако Соколова смогла ее скрыть. Под изумленными взглядами трех пар глаз она резко поднимается со стула и с абсолютно невозмутимым лицом уходит к себе в комнату. На самом же деле девушка проглатывала ком в горе один за другим, ее пульс участился, а ноги стали ватными.

«Нет, только этого сейчас не хватало» — приступ панической атаки настиг ее в самый неподходящий момент.

Дарья старается не задохнуться и усмирить сердце, которое норовит выскочить из грудной клетки, ломая к чертям ребра. В этот же момент она еще и судорожно роется в своей косметичке. Соколова искала баночку транквилизаторов, что прописал ей психотерапевт еще в десятом классе.

«Нашла» — заглатывает таблетку, даже не запивая водой, из-за чего та царапает главной героине слизистую горла. Сознание отключается практически мгновенно, унося ее в царство Морфея вместе с надеждой, что это всего лишь дурной сон. Только, боюсь, что надежда не вернется из его царства...

Дарья не понимала, кем является этот человек и все еще не выведала его фамилию. Но, если Алессандро заключил такой договор с Дмитрием, должно быть, он еще влиятельнее и состоятельнее него.

Тихий, но настойчивый стук в дверь заставляет девушку вынырнуть из непроницаемой тьмы бездны, в которую ее насильно окунули таблетки: это вновь Алессандро.

— Ты готова? — он осекается и останавливается на пороге, пока его брови от возмущения улетают куда-то к макушке. — Не понял, ты спишь? Какого хрена? Мы через полчаса уезжаем, пошевеливай своей тощей задницей! Девочка, ты мою машину в кусок жалкого металлолома превратила и обязана мне жизнью, так что, будь добра, считайся с моими условиями. — Соколова непонимающе взглянула на мужчину, все еще вспоминая, что же произошло за ужином, пока тот продолжал выказывать свое недовольство. — Я сказал: быстро подняла свой зад с кровати и начала собирать манатки. Чтобы к шести была готова. И замажь свою рожу тональником, страшно смотреть, — «выплюнул» Алессандро, брезгливо скривив губы, прежде чем покинуть ее спальню.

После его ухода Соколова не могла пошевелиться еще несколько секунд, безрезультатно задаваясь вопросом: когда это она успела разнести его машину?

Дарья даже не будет пытаться отговаривать отчима, чтобы тот сжалился — это бесполезно: слишком выгодная для него сделка. Проще смириться и жить дальше. Возможно, ей удастся сбежать, только вот сейчас она слишком слаба, чтобы противиться кому-либо...

— Скоро увидимся, — женщина врала сама себе, видимо, все еще отказываясь принимать происходящее: ее дочь, по факту, продали во избежание проблем. А тут еще и такие выгодные условия: не каждый же день к тебе люди в спонсоры набиваются!

Дарья кивнула и крепко обняла мать, в душе прекрасно понимая, что наверняка это

ложь. И она бы провела в ее объятиях еще хоть целую вечность, если бы не Алессандро, что на сей момент повис над душой и нервно теребил в пальцах сигарету.

— Мам, может... — ее обрывают.

— Довольно соплей на этот вечер. Нам пора, — он бросает никотиновую палочку на сырую землю и тут же тушит ее подошвой ботинка, после чего скрывается за дверью черного автомобиля.

— Он тебе не причинит вреда, все будет в порядке. Давай, иди. — Яна уже сама не верила в свои слова: она кое-как сдерживала слезы. Дарья же не стремилась подавлять свои эмоции: они, спасибо препарату, полностью отсутствовали. Вдобавок ко всему, она еще не осознала происходящее в полной мере. Лишь опустошение из-за предательства отчима (хотя, что иное от него вообще можно было ожидать?).

— Мам, — тихо просит Дарья, но родительница сама подталкивает дочь в сторону Алессандро.

Сначала шаг назад, потом два, и вот, она уже очутилась в салоне машины. Водитель сразу же тронулся с места, едва дверь захлопнулась, а девушка отвернулась к окну, направив все свое внимание на заходящее за дома солнце. Это явно лучше, чем трепать себе нервы.

— Если не будешь выбрасывать фокусы — я к тебе и пальцем не прикоснусь. От тебя многого и не требуется... Фальшивая свадьба, блестящая актерская игра перед моим отцом, и вуаля: счастливая жизнь у тебя в кармане. — Алессандро намеревался получить в наследство компанию своего отца, но тот в свою очередь решил поставить одно условие: пока его сын не женится, в наследство вступать не имеет право. И на поиски невесты Алессандро был отведен месяц. Ровно месяц, за который необходимо было жениться «не на первой встречной шлюхе с трассы», а на «нормальной», по меркам Андреа, девушке. Посчастливилось, что еще не требует наследника, в противном случае Алессандро был бы вынужден разыскивать и суррогатную мать.

А пока черный джип стремительно набирал скорость, Соколова молилась, чтобы все оказалось действительно так, как заявлял этот мужчина: она играет свою роль перед его отцом, Алессандро получает то, что хочет, и ее отпускают домой.

Но что-то не верилось ей, что ее отпустят просто так...

— Все у тебя в твоих же руках, — сухой, отрешенный голос, который пытается сдержать усмешку.

В любом случае, будь что будет. Родителям она никогда особо не была нужна: отец постоянно пил, и в последний раз Соколова его видела в одиннадцать. После, Яна постоянно водила домой своих партнеров, которые в ее отсутствии пытались изнасиловать Дарью, или нанести ей вред иначе. Адекватные отношения у женщины совершенно не клеились. И лишь только спустя четыре года Яна познакомилась с Русецким, который в свою очередь сразу же предложил свою помощь. Причем, весьма настойчиво. И вот, жизнь Дарьи снова летит в пропасть, дно которой пока невозможно разглядеть: она даже не знает, что произойдет с ней в ближайшие тридцать минут.

Салон заполнен табачным дымом: Алессандро закурил вторую сигарету, но Дарья и не против этого. Пассивное курение — то, что поможет ей усмирить тревожные мысли в данную минуту.

Дом. Огромный дом, наверное, раза в три больше дома Русецкого.

Алессандро ступает впереди, дворецкий открывает перед ними входную дверь. Дарья

оказывается внутри пятиэтажного здания, в которое вложили явно не одну сотню миллионов...

— Дон Манфьоветти, вас в кабинете ожидает ваш отец, — быстро и робко забормотал молодой человек, как только они прошли пару метров. Соколова едва не споткнулась, прокручивая в голове эхом раз за разом его фамилию.

«Но так не может быть. Это же попросту невозможно. Да и что он забыл в России?» — главной героине почудилось, что в эту секунду ей перекрыли кислород, а по спине и кончикам пальцев прошелся мерзкий холодок. Никто не знает и не смог бы предугадать реакцию Соколовой, если бы она не приняла транквилизаторы. — «Да сущий бред же!»

Руки так и чесались схватить телефон, залезть в «Википедию» и прочесть всю имеющуюся там информацию о его личности.

— Вот же черт... — казалось, что каждый, кто здесь находился, заметил, как улыбка соскользнула с лица Алессандро, свернулась и отпала на кафельный пол, разбившись вдребезги. Подчиненные особенно тонко чувствовали перемены в его настроении, из-за чего не одну Дарью сейчас сковывал страх. — Руслан, проводи ее в комнату. Потом скажи Джованни, чтобы зашел ко мне, — с этими словами итальянец быстрым шагом направился в сторону лестницы, а Соколова осталась наедине с неким Русланом.

— Это ваша комната, госпожа. Чувствуйте себя как дома, если что, зовите меня, — русоволосый парень поклонился и спешно скрылся за дверью. Дарья же просто упала на кровать, пытаясь уложить в голове все, что с ней сейчас произошло, когда руки сами собой полезли в поисковую строку с запросом «Алессандро Манфьоветти».

Перед глазами замелькали новостные заголовки вроде «Cosa Nostra снова в деле: 21 августа арестовали капо клана Мотизи» и «парламент Италии опубликовал список самых разыскиваемых преступников». А далее была раскрыта страничка «Википедии», в полной красе расписывающие действия и род занятий итальянской мафии.

Сердце Соколовой вновь ушло в пятки: почему-то резко захотелось истошно кричать.

— Да, отец, через две недели можем играть свадьбу, — уверенным тоном утверждал Алессандро, безмолвно молясь о том, чтобы все прошло хорошо.

— И кто же она? Я знаю ее семью?

— Наверняка слышал. Личность узнаешь на свадьбе.

— Интригуешь... Ладно, раз ты определился с выбором, зачем тянешь? В следующую субботу тогда и поженитесь, — настаивал Андреа, на что его сын лишь нервно усмехнулся, понимая, что он совершенно бессилен против своего отца. Ему оставалось только согласиться. — На том и решили. Увидимся через неделю. Надеюсь, ты меня не разочаруешь.

Как только мужчина покинул кабинет, а дверь за ним захлопнулась, в противоположную стенку полетел нож. Алессандро в самой настоящей ярости. И так случается каждый раз, когда кто-то в его присутствии даже просто упоминает его отца. Казалось, Алессандро будет праздновать похороны Андреа пуще рождения собственного сына...

Рокс заполняется янтарной жидкостью, и через пару мгновений вновь оказывается пустым. Комната заполнена никотином, а мужчина пытается продумать план дальнейших действий. Что, если Соколова проколется? Тогда все его дальнейшие планы на жизнь пойдут

по одному месту. Что, если она сболтнет лишнего? А если попытается сбежать? И что, если вовсе попытается сорвать все мероприятие? Слишком много на данный момент зависело от одной никчемной девушки. Один ее неверный шаг, и она погубит все будущее Алессандро...

Тишину нарушает стук в дверь. Манфьоветти резко дергается, но сразу приходит в себя.

— Войдите, — твердый уверенный голос, словно выкованный из стали. Будто пару секунд назад на его глаза совершенно не наворачивались слезы от усталости и страха, и будто это не он по ночам вместо сна продумывает безболезненные способы суицида.

На пороге появляется его консьюери: совершенно незаменимый человек, который не раз выручал нашего главного героя и просто чудесный друг, что провел рядом с ним несколько лет.

— Алессандро, ты, правда, играешь с ней свадьбу через семь дней? Не боишься, что все потеряешь?

— У тебя есть другие варианты? Если да, то я бесконечно рад тебя выслушать! — между ними повисла тишина, которая резала слух. В фильмах в такие моменты обычно вставляют пение сверчков. — Ах, что же ты молчишь, мой дорогой Джованни? Нечего предложить?

— Ты хотя бы поговорил с ней...

— Завтра. Все завтра! — перед носом советника со свистом пролетело еще одно лезвие. Видимо, сегодня ночью, рабочим придется переклеивать обои на этой стене.

— Но, сейчас ведь только семь вечера! Я не думаю, что кто-то из вас двоих на полном серьезе пойдет спать.

— Послушай, ты не видишь, что мне вся ситуация отвратительна? Да, мне жалко девочку. Но что поделаешь? «Такова селяви»[1].

— А она хоть знает, что мы переезжаем в Италию во вторник? — снова тишина. — Какого хрена? Если ты сегодня не расскажешь ей обо всем, это сделаю я. И мне плевать, если сегодня ночью у меня между глазами окажется пуля. Извини, если нарушаю свои права, но это поистине аморально!

— Слушай, а тебя не смущает то, что в принципе все, что сейчас происходит — аморально? Кто бы мне еще заявлял о морали!

— Я тебя предупредил, решать тебе, — будто бы напоследок промолвил Джованни, но отнюдь не спешил покидать помещение. — Тебе что, реально настолько насрать?

— Нет, я просто не понимаю! Какого хрена ты так о ней печешься? Боже правый, покинь кабинет! — но консьюери так и остался стоять на месте. — Я тебя когда-нибудь убью... — отчаянно вздохнул (или даже страдальчески простонал?) Манфьоветти. — Веди ее сюда. — Два раза повторять ему не пришлось: советник сию секунду рванул с места.

— Садись, — Даша аккуратно опускается на кожаный диван, нервно колупая на своих ногтях черный лак и пытаясь унять дрожь в коленках. — Чай, кофе? — в ответ лишь молчание и страх, что он услышит ее сбитое дыхание. — Я не кусаюсь, не переживай, — усмехается Алессандро, пытаясь разрядить обстановку. Снова безмолвие. — Ладно, перейдем ближе к делу, — Алессандро снова отчаянно вздыхает и уже десятый раз проклинает Джованни Конте, за его чертовы навязчивые советы. — Если вкратце, то через три дня мы переезжаем в Марсалу, а через неделю у нас свадьба. На этом все. — Глаза девушки распахнулись настолько, насколько это возможно. Он же обещал!

— Но, вы говорили, что отпустите меня после свадьбы! Зачем мне переезжать в Италию? — Соколова сама не сразу поняла, что выдала и с кем вообще разговаривает. Но

вместо злости на лице Алессандро она заметила лишь привычную ухмылку и приподнятые в удивлении брови.

— Ладно, ты меня удивила. Никогда не встречал более наивных людей. — Легкие девушки сперло от возмущения. А чего еще можно ожидать от такой личности, как Манфьолетти? Естественно, просто так ее никто никуда не отпустит. — Отлично, все эмоции оставь на потом, теперь обсудим главное. В субботу, четвертого сентября, состоится церемония. Будет большинство моих родственников. Что требуется от тебя? От тебя на самом деле зависит многое. Но задача максимально проста: ты не скандалишь, не пытаешься сбежать, не зовешь на помощь... в общем, просто не предпринимаешь попытки расстроить праздник. Ну, и остальное по мелочам: натягиваешь миленькую улыбку на лицо, со всеми любезно общаешься, и не хамишь, — мужчина задумался: он что-то упустил. — А, точно. Всегда держишься рядом со мной в силу того что, что на этом мероприятии далеко не все могут оказаться доброжелателями. Так что, смотри в оба, и десять раз подумай, прежде чем решишь удрать от меня. Лучшее враг хорошего, как говорится, — Алессандро снова замолчал, достал очередную сигарету из пачки, и закурил.

— Договорились? — табачный дым защипал глаза и уже пропитал, как казалось, каждую клеточку их тел, и каждую молекулу воздуха в этом помещении. Соколова положительно кивнула. — Завтрак в восемь, обед в час, ужин в шесть. Не опаздывай. — После этих слов, она нервно сглотнула слюну. Ей придется снова терпеть совместные трапезы... Страшно подумать, сколько она сможет набрать, за какую-то пару недель в этом доме. — Что-то не так?

— Нет, все отлично. Я могу идти?

— Иди, — равнодушно пожал плечами Манфьолетти.

«За ужином ела только салат, и то, в основном ковыряла в нем вилкой... Постоянно сонная и вялая, а при упоминании еды начинает нервничать. Выглядит так, будто ее морили голодом месяц. Хотя последнее логично, учитывая ее времяпровождение в коме. Но... что-то с ней все равно не так» — подумалось ему. Но если по существу, то этому мужчине было настолько плевать, а его психика была настолько истощена, что буквально через пару минут он уже выпивал пятый рокс. Да и кто ему такая эта девушка? «Просто путь к успеху в этой сраной жизни, которая может оборваться в два щелчка. Вот и все».

29 августа.

Утро. Соколова просыпается за тридцать минут до первого приема пищи. На душе было максимально тревожно, а сон был рваный и беспокойный. Она не могла готовить сама себе, соответственно не могла контролировать количество потребляемых калорий. И от этого девушку накрывало очередной волной паники.

«Что, если он узнает о моем пищевом расстройстве? Как все скрывать? Очищаться после каждого приема пищи? Тогда будут выпадать не только волосы, но и зубы...»

Дарья поднимается с кровати и направляется в ванную комнату. Но она каждый раз наступает на все одни и те же грабли: совершать резкие движения при критически низком гемоглобине противопоказано.

Перед глазами темнеет, а девушка теряет равновесие и едва не растягивается на кафельном полу санузла. Двадцати секунд ей хватает, чтобы снова начать перед собой что-то видеть.

«Надо поторопиться» — думает она, и начинает умываться.

Восемь часов утра. Дарья спускается по лестнице в столовую: ее волосы безжизненно ниспадают вдоль спины, а синяки под глазами густо замазаны тональным кремом. «Главное — не потерять сознание на лестнице».

За столом уже находится Алессандро, а в его руках покоится кружка черного кофе.

— Buongiorno, — тихо промолвила девушка. Ей было максимально некомфортно, а мысли о том, что сейчас ей придется поесть, не давали покоя.

— Садись, — Алессандро кивает на стул рядом с ним. — Сегодня нам надо хотя бы начать разучивать свадебный танец. Умеешь танцевать?

— Весьма скверно, — Соколова садится напротив Алессандро, ибо сидеть несколько минут в десяти сантиметрах справа от него она не выдержит.

— Понятно, — тяжело вздыхает он.

— Госпожа? — к нам тут же подбегает молоденькая служанка, в ожидании заказа. Мысли в голове тут же начинают путаться, а Алессандро уже открывает рот, желая что-то произнести, но Дарья его опережает.

— Кофе... черный кофе. И, наверное, овсянка. Да, овсяная каша, на воде, пожалуйста. И, можете не называть меня госпожой, в этом ведь нет смысла...

— Извините, госпожа, я не имею права, — взгляд девушек упал на Манфьолетти, и главная героиня понимающе кивнула.

Прислуга ушла. Они остались вдвоем.

— Я вот все не пойму, ты на диете что ли? — внутри девушки все сжалось. «А что, если Манфьолетти обо всем догадался?»

— Нет, почему вы так решили?

— Думаешь, я не вижу? Дома едва съела пару ложек салата, выглядишь, как узник Освенцима, сейчас заказала овсянку и кофе. Последний факт и вовсе выдает тебя со всеми потрохами.

— Это ничего не доказывает! Я резко похудела из-за перенесенной аварии, а питание... просто нет аппетита, — пыталась заверить его Соколова. Да такие оправдания раскусит любой дурачок.

— Ну, смотри... — темные ресницы приближаются друг к другу в холодном прищуре. — Только вот не держи меня за идиота: я не Русецкий.

Вот перед нашей главной героиней стояла еда, которую она заказала. Мужчина впивается в девушку заискивающим взглядом, чтобы понять, верны ли его догадки.

«Тут около трехсот миллилитров кофе... Три калории. И овсянка... Скорее всего, порядка сорока грамм в сухом виде, следовательно, здесь приблизительно ста пятидесяти калорий» — сразу рисовались цифры в голове Даши.

Она максимально пытается оттянуть момент, и просто размазывает кашу по тарелке. Только объем кофе все уменьшается и уменьшается...

Раздался рингтон телефона: Алессандро позвонили. «Боги меня услышали». На этот раз девушке повезло, и в ее желудке оказалась только пара калорий.

Он вынужденно уходит к себе в кабинет, а девушка по-тихому подзывает служанку, вручает ей посуду и убегает в комнату.

«А впереди еще обед и ужин. И так каждый день... Рано или поздно он догадается».

— «Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила.

Так что заседание не...» — За спиной Соколовой внезапно раздается мужской голос, зачитывающий вслух строчку из раскрытой книги. Однако дочитать предложение Манфьюлетти не удастся, ибо девушка от неожиданности захлопывает обложку. — Что за ересь? — он брезгливо морщит нос, отходя к подоконнику.

— Это «Мастер и Маргарита», — поясняет Дарья. — Булгаков.

— Понятно. Ты мне лучше скажи, почему ничего не съела за завтраком? — ее сердце и так уже билось с невероятной скоростью, а пульс давно перевалил за сотню ударов в минуту, но вот кровь от лица отлилась только сейчас. — Ты думала, я не узнаю? Лаура мне все доложила. Половина чашки американо — все, что ты засунула в себя за трапезу.

— Можно я не буду отвечать на ваш вопрос?

— Можно без «можно»? Я сказал отвечать, значит, ты должна отвечать. И обращайся, наконец, ко мне на «ты», сколько еще ты намереваешься выводить меня на эмоции?!

— Я не могу... Вы старше меня на десяток лет.

— И что с того? Мы почти женаты.

— Вы что-то говорили про танец...

— Не переводите тему.

— Меня с утра тошнило. Решила, что кофе мне хватит.

— Соколова, рано или поздно я все равно ведь докопаюсь до правды.

Первый аккорд отдался стуком каблуков, раздробившимся о стены хореографического зала. Медленное раскрытие рук и безмолвное кружение двоих вокруг одной точки, не сокращающих расстояние между телами. Пропать с каждым новым ударом лишь сильнее раскрывалась. Попытка девушки отклониться — бесполезная трата сил. А он все продолжал считать, продолжал издеваться над ней. Голова уже давно кружилась, а перед глазами все плыло. Еще чуть-чуть, и Дарья отключится в обморок прямо в руках Алессандро...

— Раз, два, три. Раз, два, три... Черт, — последнее слово он прошипел, крепко, практически до боли сжав талию своей партнерши. — Ты можешь не наступать мне на ноги?

— Извините...

— Да Господи, когда я говорю, обращаться ко мне на «ты», ты должна обращаться ко мне на «ты»! — еще один отчаянный вздох. — Ладно, продолжим. Раз, два, три, раз, два, три... Твою мать. Ты мне все пальцы на ногах отдавишь! — вдруг колени девушки подкосились, а она обмякла в хватке Манфьюлетти. — Эй, эй, ты чего? — последние слова, которые она услышала. И то, будто через толщу воды... А затем окончательно провалилась во тьму, едва он успел схватить ее за плечи.

— У вас катастрофически низкое давление: восемьдесят на пятьдесят три. На счет пульса вообще говорить страшно! Число ударов в минуту еле дотягивает до пятидесяти пяти, — негодовал врач. — Когда у вас в последний раз были месячные? — хороший, на самом деле, вопрос. Но Дарья на него ответ, к сожалению, сама даже смутно помнила.

— Ну... Года три назад? — слова неуверенно слетели с ее губ.

Алессандро же сидел в кресле, максимально не догоняя, как эта девушка вообще дожила до восемнадцати.

— Ваш вес составляет двадцать девять килограмм! И это при росте метр шестьдесят!! — а вот сейчас даже Соколова была в шоке. Она не знала, радоваться ей, или плакать. Она пробила свой минимальный вес, сама того не замечая. Даже наоборот: Дарья была

полностью уверена, что набрала, из-за чего ей было попросту страшно становиться на весы. После данных слов доктора, Манфьоветти подавился кофе, едва не расплескав его себе на рубашку. Он тихо выругался на итальянском, затем поднялся со своего места.

— Mazzarino, andiamo, usciamo.[2]

Девушку оставили одну, в ее спальне. Интересно, это конец? История даже не успела толком начаться, а уже заканчивается...

— Насколько все плохо? — Манфьоветти быстро заговорил на итальянском, чтобы Соколова не догадалась содержания их диалога. Хотя какой в этом вообще был смысл, если Алессандро и так собирался обо всем ей доложить?

— Если повезет, то ей осталось месяца четыре. Если же она так и продолжит стремительно терять вес, то месяц-два — в лучшем случае. Еще три-пять килограмм и, — он запнулся. — Масса тела критически низкая. ИМТ около одиннадцати единиц, — специалист тяжело вздыхает. — Диагноз: нервная анорексия и нервная булимия. Зубы в ужасном состоянии...

— А что теперь делать? Ее можно как-то вернуть в жизнь? — какая-то странная надежда, и желание кому-то помочь, овладели Алессандро. С чего бы это вдруг? А кто знает... Возможно, он просто хотел получить наследство. А возможно, что даже он сам не знал ответа на этот вопрос.

— Можно, но нужен хороший психиатр, и требуется наблюдение врача. Имейте в виду, что лечить голову не так-то просто. Шансы на победу болезни есть, но детей она уже вряд ли сможет родить, даже если захочет. Да и вообще, мало вероятно то, что у Дарьи восстановится цикл, ибо вторичная аменорея, длинной в три года, не оставляет много надежд...

— Я понял. Спасибо за помощь.

— Дура, ты чем думала, когда с собой это вытворяла? Нет, я просто не понимаю!! Тебе в действительности нравится то, как ты сейчас выглядишь? Да у тебя уже кожа прозрачная! Ты будто героинном ширяешься! Ох, поверь, я-то знаю, о чем говорю... В последний раз спрошу: ты точно не хочешь пройти восстановление? Ты реально хочешь сдохнуть, едва достигнув совершеннолетия? Скажу честно, на тебя мне плевать. Но мне не плевать на все планы, что я выстраивал годами, — со щеки девушки скатывается слеза. Она все еще молчала. Почему же Алессандро насильно не заставит ее пройти лечение? Да потому, что пока человек сам этого не захочет, ни черта не выйдет. Хотя, давайте не будем никого обманывать и сразу скажем, что если придется, то он заставит ее.

— Я здорова! Мне не нужна ваша помощь! — дрожащим голосом кричала Дарья.

— Господи, да Альфредо сказал, что тебе осталось в лучшем случае пожить до конца года! Опомнись, наконец, и спустись с небес на землю! — глаза Соколовой стали еще больше, а паническая атака уже дышала ей в шею. — Еще раз спрашиваю: ты...

— Я согласна пройти лечение, — Манфьоветти даже выдохнул. Только что, он, возможно, кому-то спас жизнь. — Но только при условии, что если я захочу выйти из процесса, то вы не будете против. — Мужчина кивнул.

— Как только приедем в Италию, ты начнешь занятия с психотерапевтом. У меня есть один человек. А пока... пока что начни есть, хотя бы раз в день, — кинул через плечо он, прежде чем покинуть комнату...

1 «Се ля ви» (C'est La Vie, иногда по-русски пишется слитно: «селяви») это французская поговорка, в дословном переводе означающая «такова жизнь». Эту фразу произносят в ситуации, когда ничего нельзя поделать, и остаётся лишь смириться с судьбой и принять жизнь такой, какая она есть.

[2] — Мазарини, пойдём, выйдем.

30 августа.

Весь остаток прошлого дня Дарья и Алессандро практически не разговаривали друг с другом. Более того, Соколова даже успела поймать паническую атаку после новостей о ее скорой смерти из-за пищевого расстройства, и едва не вернулась к селфхарму: голос здорового (здорового ли?) рассудка образумил ее, когда девушка уже держала бритву в руках.

Сегодня Манфьюлетти весь день будет занят: звонки, посетители, куча бумажной возни с документами... Завтра они уже будут в Марсале. Дарья хотела бы попроситься с матерью, но при мысли о том, что придется спрашивать у Алессандро на это разрешение, у девушки подгибались колени от страха. Еще вчера она бы рискнула на разговор с ним, но не после того, что произошло вчера.

Утром она горько пожалела, что согласилась на лечение и пропустила слезу из-за дисморфофобии[1], что нашептывала Соколовой на ухо про имеющийся у нее лишний вес и огромные ляжки. Естественно, ни о каком завтраке речи и не шло, ибо голова и расстройство в один голос кричали категоричное «нет».

— Опять всякую чушь читаешь? — Соколова резко подскочила и приняла сидячее положение. Она никогда не привыкнет к его неожиданному появлению. — Завтра у нас вылет утром, в четыре. Прислуга соберет твои вещи. И соизволь присутствовать хотя бы на ужине. — Дверь захлопнулась.

«Как «прекрасно» этот человек ведет диалоги, просто отдавая приказы собеседнику» — подумала Дарья и, погружившись в свои мысли, даже не заметила, как уснула. Это совершенно неудивительно, если брать в учет ее бессонницу и обессиленный голодовками организм.

— Какого хрена? Вчера я со стенкой разговаривал, да? — снова он в ее (действительно ли *ее?*) комнате.

— Нет, я...

— Что «ты»? Я же не слепой и не тупой, и вижу, что ты абсолютно ничего не ешь.

— Я... понимаете...

— Давай я тебя тогда сразу убью, если ты и так собираешься сыграть в ящик?

— Послушайте, я...

— Да что? Что «ты»?! Твой конченный мозг реально не может осознать, что тебе осталось жить меньше полугода?

— Я сегодня плохо себя чувствовала, поэтому...

— Черт, да тебе, похоже, бесполезно что-либо говорить, — тихий шепот и хлопок дверью. В этот момент она выглядела жалко. Настолько жалко, что даже Алессандро почему-то резко захотелось побить эту дурочку головой о железобетонную стенку или накормить силой. Сам он ни разу не сталкивался с пищевым расстройством и никогда не понимал в полной мере, что это такое. Однако с точностью знал, что *это* страшно и *отэтого* умирают. А сейчас еще и узнал, что *это* не лечится элементарным «просто начни есть» и *это* больше, чем «страшно и от этого умирают».

Это чудовищно.

Дарья ведь сама не понимает, что убивает себя. Она не смогла вовремя остановиться и,

похоже, что самостоятельно *уже не сможет*.

«Ничего. Сдохнет одна — найду другую, — подумал Манфьолетти, затем скрылся за дверью своего кабинета. — Главное, чтобы до церемонии дотянула»

Через несколько минут Дарью вновь разбудили. Пришла служанка — Марта. Она из Беларуси, поэтому уши Соколовой были рады услышать русский язык без акцента. В ее руках находился поднос с пиалой.

— Господин сказал, что вам нездоровится. Это куриный бульон, госпожа. Поешьте, прошу. — В мыслях Дарья чертыхнулась. Страх перед неизвестным количеством калорий ее вновь поприветствовал, но желание огорчать Марту совершенно отсутствовало.

— Спасибо, я обязательно поем. — Натянута улыбка, кивок, снова одиночество...

«Блин, из какого мяса этот бульон варили? Из свиньи весом сто килограмм? Явно не из курицы. Тут же жир сверху плавает»

Дверь санузла открывается, все содержимое из тарелки отправляется в унитаз. Соколова возвращается в комнату, и дальше ложится спать.

31 августа.

— Скажи честно, ты это вылила в унитаз или выблевала? — да, не такие слова с утра ожидала услышать девушка.

— Чего? — Дарья потерла глаза: за окном царствовала тьма, еще даже не началась заря.

— Говорю, что с бульоном сделала?

— Съела, — неуверенный ответ слетает с ее губ. К ней прилетает презрительный взгляд. — Почему вы не верите мне?

— Ты отвратительно врешь. И... научись опускать крышку унитаза, после того, как еду в канализацию отправляешь. Не важно, из желудка или посуды. — Соколова зажмурилась от стыда за свою неосмотрительность: как она могла так глупо проколоться?

— Я вегетарианка, не ем животных... — врет. Тяжелый вздох разрезал тишину, а позже в девушку полетела одежда.

— Мне не интересно. Одевайся, через двадцать минут жду тебя в коридоре. Я за дверью. Поторапливайся.

Черный внедорожник рассекает воздух и мчит по трассе. Еще чуть-чуть, и они в аэропорту. С мамой Дарья так и не попрощалась, ибо страх оказался сильнее ее воли. Мало того: на данный момент она даже не знала, в курсе ли Яна, что Манфьолетти переезжает. А если все же в курсе, то знает ли, что он берет Дарью с собой?

В наушниках играет Slipknot, а сама девушка безумно жалеет о том, что ей приходится бросать учебу после первого курса. Она была художницей, но у судьбы имелись на нее другие планы.

Слишком много вопросов и слишком мало ответов...

Поначалу кто-то касается запястья Дарьи, затем трясет ее за плечо. И вот, девушка открывает глаза. Да, она уснула даже под хард-рок на полной громкости: организм силился черпать энергию из сна, раз из пищи он получает ровно ноль.

— Мы приехали, у нас вылет через шесть минут. — В ответ Манфьолетти получает лишь слабый кивок.

Соколова выходит из машины, шарит в карманах кардигана в поисках мятного Орбита. Глотая сладкую от жвачки слюну, девушка проглатывает еще и ком в горле. Наушники уже разрядились, благо, она додумалась взять с собой еще и проводную гарнитуру.

— Пошевеливайся, если не хочешь застрять тут на сутки.

Вот, еще пара мгновений, и они уже в салоне самолета. Дарья у окна, Манфьолетти занял место с краю. В наушниках бодрые песни «Rammstein» сменяют меланхоличные треки «Arctic Monkeys», из-за чего держать эмоции в узде становится все сложнее.

Девушка отвернулась к иллюминатору, пытаясь контролировать слезы, но одинокая капелька все же успела покинуть глазницу и, скатываясь по щеке, направиться к подбородку. Дарья нащупывает в кармане все тот же пузырек с транквилизаторами, достает две таблетки и незаметно заглатывает, вновь даже не запивая.

— Мы заключили договор с Русецким.

— А? — Соколова дергается от неожиданности. Почему-то, она не хотела, чтобы Алессандро узнал о паническом расстройстве и уж тем более о зависимости в таблетках. Быть может, боялась, что он, узнав о вещах, без которых Дарья не может обходиться, тут же ее лишит их. А возможно, что девушке просто не хотелось раскрывать все свои слабые места на показ, чтобы Манфьолетти использовал их как предмет для обсуждения, презрения и гнусных шуточек. Кто знает?

— Контракт на год. Ровно двенадцать месяцев, в течение которых я должен буду с твоей помощью воплотить все свои планы в жизнь. После чего ты можешь идти и делать что твоей душе угодно, и я не буду вправе нарушать твою волю.

«И зачем он мне это рассказывает? Я настолько ничтожно выгляжу?»

Соколова ничего не ответила. Просто не смогла. Не посмела. Или побоялась. Она лишь улыбнулась сквозь высохшие слезы облакам и Москве, которая, казалось, могла поместиться на самой крохотной в этом мире ладошке. Но Алессандро, конечно же, этого не увидит. Никогда. Она *никогда* не позволит себе улыбнуться при нем.

После чего, Дарья вновь забылась, погрузившись в сон...

E ho detto a Coraline che può crescere,

Prendere le sue cose e poi partire.

Ma sente un mostro che la tiene in gabbia,

Che le ricopre la strada di mine.

E ho detto a Coraline che può crescere,

Prendere le sue cose e poi partire.

Ma Coraline non vuole mangiare no,

Sì, Coraline vorrebbe sparire.

Måneskin. «Coraline» [2].

Ноябрь 2013 года.

Однокомнатная хрущевка на выезде из Петербурга.

Входная дверь в квартиру с грохотом закрывается, заставляя тело девочки содрогнуться так, словно по нему пропустили разряд электрического тока.

— *Даш, иди в комнату, закройся, и сиди тихо. Я сейчас вернусь,* — *девушка с рыжими волосами отводит дочь в спальню, и ждет, пока та замкнет защелку. И так каждый вечер.*

Одиннадцатилетняя Дарья прислонилась ухом к двери, теребя пальцами кончики

красных волос, в то время как ее пульс отдавался грохотом в ушах. Сейчас она боялась не за себя.

— Валер, чего ты от нас хочешь? — на пороге стоял мужчина в голубом и весьма потрепанном спортивном костюме, лицо густо заросло щетиной, а в руке находилась пустая бутылка от алкоголя. Казалось, от него несло перегаром и потом за километр.

— Шлюха! Это мой дом. Ты не даешь мне видеться с моим ребенком! — хлопок. На этот раз не дверь. Он дал девушке пощечину.

— Ты снова пьян, иди, проспись. Все, уходи. Это квартира моей мамы.

— Я никуда не пойду! — муж Яны достает из кармана перочинный нож. — Либо ты мне сейчас приводишь ее, либо я...

Он не успел договорить предложение. Истошный женский вопль разнесся по всем этажам подъезда.

Перед глазами все расплывается, в горле ком, а шрамы на спине от того дня безумно горят.

— Все нормально? — вновь Манфьолетти. Порой появляется едва ли контролируемое желание заорать ему в лицо «дайте мне уже спокойно сдохнуть». Однако Соколова все еще в относительно здравом уме и помнит, кто это такой и что ей за это может быть.

— А? Да, все в порядке. Ничего такого.

— Как знаешь, — мужчина равнодушно пожал плечами. — Мы почти прилетели.

Девушка кивнула и снова отвернулась.

Она никогда не была в Италии, но ее всегда туда влекло. Тянуло, точно магнитом. А теперь она в этой стране на целый год.

«Ха-ха, да он же конченный! Меня быстрее пристрелит кто-нибудь из его дружков, или я скончаюсь от анорексии, — снова мысли. — Черт, один год. Эти слова из его уст звучат так, словно мне дали срок на зоне»

— Уважаемые пассажиры, пристегните ремни, сейчас будет совершаться посадка самолета.

Рим.

Вновь дорога. Черный автомобиль. Алессандро за рулем, Соколова сидела спереди, стараясь не сильно обращать внимание на его профиль.

«Почему черный? Он же совершенно не вписывается в окружающую среду и сильно выделяется на этой пестрой улице. И где водитель? А охрана? Он не боится, что на него нападут?»

Мимо мелькают яркие и оживлённые улицы итальянской столицы, пока не совершается поворот вправо.

«Либо он самоуверенный и не знает о существовании страха, либо настолько силен»

Пустая трасса. Руки до сих пор дрожат. Они дрожали еще дома, на ужине, с тех пор дрожь не унималась. Еще пара километров. Вокруг только лесополоса, серый асфальт и редко проезжающие дальнбойщики на фурах. На обочине что-то лежит.

(Правда ли это что-то?)

«Раненное животное?»

Дарья попыталась приглядеться в темный силуэт, но ничего не вышло. Однако когда они немного приблизились к тому месту, Соколова едва не вскрикнула. Это отнюдь не

животное. Это мужчина. И вполне вероятно, что уже мертвый.

— Алессандро, подождите! — вырвался хриплый звук из горла девушки, а сама она значительно подалась вперед. На самом деле даже Дарья от себя такого не ожидала.

— В чем дело? — автомобиль даже не думает тормозить. Почему главной героине вдруг показалось, что ее сейчас убьют прямо в этой машине? Рядом ведь даже людей толком нет.

— Там человек. Вы что, не видите? Остановите, вдруг ему плохо!

— Ты думаешь, что сейчас благое дело совершаешь? Он тебя потом будет поливать самыми грязными словами и проклятиями, которые только существуют, когда узнает, во что ты его втянула.

— Но, ему ведь надо помочь! А если он попал в аварию? Он же умрет!

— Сиди и не дергайся. Тебе ни все ли равно? Он твой знакомый? Нет? Вот и молчи в тряпочку.

— Но... он же... — голос дрожал.

— Хочешь рядом с ним прилечь? — девушка содрогнулась. Она-то в глубине души знала, что в течение двенадцати месяцев ее убивать Алессандро не собирается, но все равно боялась. — Слушай, — выражение его лица немного смягчилось, однако голос все еще оставался весьма грубым и холодным, — если я остановлюсь, на нас могут совершить нападение. Хотя бы иногда пользуйся мозгами.

Дарья поджала губы, судорожно вдохнула воздух и кивнула.

— Мы сейчас едем в мой аэропорт. Через час-полтора, думаю, будем на Сицилии.

Сицилия, Марсала.

Два главных героя выходят из самолета. Солнечные лучи ударяют по глазам, но холодный ветер пробирает до дрожи, а горло сковывает волной боли. Лака на ногтях Дарьи больше нет, она его весь содрала и теперь можно лицезреть ее посиневшую (или уже почерневшую?) ногтевую пластину.

«Как ему не холодно в этой рубашке?»

— Алессандро! Как долетели? — к ним стремительно направляется Джованни. — Слушай, у твоей подопечной уже губы посинели. — Консильери снимает с себя черный плащ и передает его Соколовой, на что Алессандро лишь усмехается.

— Grazie[3], — девушке хотелось добавить «не стоило», но однозначно стоило, иначе завтра она бы лежала с температурой, и, ни о какой подготовке к свадьбе не шло бы даже речи.

— Все, поехали уже домой. — Автомобиль тронулся с места. Вновь черный. Но в этот раз они ехали уже не по цветастым улицам столицы, а по серым переулкам провинции. На сей момент этот цвет хотя бы чуть-чуть вписывается в окружающую среду.

Прошло около получаса, прежде чем из автомобильных окон завиднелся небольшой кирпичный коттедж. В округе лес и горы. За домом, видимо, поле.

Вполне неплохо: два этажа, уютный двор, но вот огромный забор из черных металлических прутьев высотой в метра три уродует всю картину. Да и охрана с оружием в руках сюда не особо вписывается...

— Подожди, сядь, — девушка уже собралась выходить из машины, но ее остановила рука Алессандро. — Все мое окружение, кроме Джованни, не знают о том, что мы заключили договор. Так что, будь добра, веди себя подобающе в присутствии лишних ушей.

Про последствия, думаю, ты догадываешься.

После этих слов последовала ослепительная улыбка, а Дарью же пробрала дрожь, на этот раз отнюдь не из-за холода.

«Нам что, впредь разыгрывать спектакль в роли до гроба влюбленной парочки?»

— Еще Стефания знает, я ей рассказал.

Тяжелый вздох и сдавленный стон мученика слетели с губ Манфьолетти.

— Какого черта, Конте? Она же теперь все мозги мне чайной ложечкой выест.

— Я не виноват, меня заставили, — пускает смешок консьильери. — Долго еще здесь сидеть собираетесь?

Второй час ночи.

Прислуга разложила все вещи по своим местам, а Алессандро теперь живет в одной комнате с Дарьей. Он аргументировал это тем, что иначе все обязательно что-нибудь да заподозрят.

Соколова выходит из душа и спокойным шагом направляется к спальне.

«Его сейчас не должно быть в комнате. Сто процентов же сидит в кабинете в очередной кучке докуме...»

— Алессандро? Что вы делаете?

Картина: девушка в пижаме с мокрыми волосами стоит на пороге спальни, а Манфьолетти, держа левой рукой рокс с алкоголем, копается в ее смартфоне, стоя у окна. На главном герое плащ, длиной до середины икр, классические брюки и белая рубашка, поверх которой надето жабо, украшенное большим камнем.

«Он куда-то собрался, раз так вырядился? Да еще и в верхней одежде. Или только недавно пришел с улицы? Рокс в руке... Он же не пьян? Господи, пусть он будет трезвым»

— «Как умереть быстро без боли», «топ-10 способов самоубийства», и «полное руководство по суициду». Отличная история поиска в Гугле. Если так интересно, то могла и меня спросить. С радостью бы просветил тебя во всех подробностях.

(Он бы просветил)

— Пожалуйста, положите на место.

— И что, какой способ выбрала? — в его прокуренном голосе проявилась ярко-выраженная презрительная насмешка.

— Для чего вам мой телефон? Что вы хотели?

Дарья застыла в изумлении. Она не думала, что кому-нибудь сможет прийти в голову идея залезть в историю ее браузера. Да и тем более, она искала это не в серьез (по крайней мере, девушка себя в этом активно старалась убедить).

— У меня нет ни единой причины тебе доверять. Учитывая, что твой отец далеко не простой человек.

— Он мне не отец, — ответила (или скорее прикрикнула) слишком резко, даже для самой себя. — И вы хотите сказать, что я предоставляю Дмитрию какую-нибудь информацию, связанную с вами и вашей... деятельностью?

— Я этого не говорил. Просто на время заберу твой телефон, чтобы держать всю ситуацию под контролем. — Соколовой осталось только промолчать на это заявление. — А, и еще... завтра у тебя состоится сеанс с психотерапевтом.

— А если я откажусь?

— А тебя никто и не спрашивал. — Смартфон отправляется в карман, рокс

опустошается залпом и остается на тумбочке, а сам Манфьолетти направляется к двери. — Ложись спать, меня не жди. Буду поздно, если не утром, — он включает торшер и гасит верхний свет. В полутьме Алессандро устрашает еще больше. — Не засиживайся.

Резкий хлопок дверью. Даша одна в комнате. Она подходит к окну, из которого видимы ворота. Девушка садится на подоконник и следит за тем, как Алессандро вместе с Джованни выходят из дома, перезаряжают свое оружие и скрываются в автомобилях. Два черных авто выехали за пределы двора и покинули поле зрения, в след за чем Дарья ложится на кровать в попытках уснуть. Если бы у нее сейчас был в доступе телефон, она бы написала маме...

Вновь хлопок дверью, на этот раз тихий. Алессандро медленно подходит к окну, стягивает с себя плащ и вешает его на спинку стула. Ноги подкашиваются, а на небе только собирается заря. На его белоснежной рубашке темные следы чьей-то крови, жабо снято, а пуговицы расстегнуты до солнечного плетения. Теперь можно разглядеть под ключицами татуировку паука, которая перекрывает старый уродливый шрам.

Мужчина берет одежду из дубового шифоньера, дверка которого предательски скрипнула, и осторожными шагами удаляется из спальни, заходя в ванную. Раздевается, включает холодную воду и сползает по стенке на пол.

Сегодня он убил человека, в венах которого текла его кровь. Он убил родного брата. Хотя Манфьолетти его и ненавидел, на душе повис ужасающий своей величиной камень.

«Сколько раз я уже убивал? Сто? Двести? А сердце бьется как в первый, — выдыхает, подставляя лицо под холодные струи воды. — Но это была необходимость. Франческо нарушил омерту, сам виноват»

«Да какая к черту омерта?»

Сегодня он не уснет. Зная это, Алессандро сразу после душа ушел в свой кабинет.

Теперь осталось закопаться по уши в работу, чтобы не думать о том, что произошло. Его посещали мысли рассказать про эту ночь своему психотерапевту, но, уже набирая ее номер, посчитал, что это будет проявлением слабости. Поэтому Манфьолетти просто подавит эмоции, запихнет все свои страхи и переживания куда подальше, и забудет.

На столе стоит две кружки с кофейным осадком, а третий рокс виски уже отправляется в организм главного героя. Не помешало бы мыть чашки, прежде чем брать новые.

В пепельнице четыре новых бычка, в скором времени в их компанию добавится пятый, однако эту идиллию нарушает тихий стук в дверь, а на пороге показывается консьержи.

— Джованни? — раздается подавленный голос Алессандро, но затем он закашливается и тон становится привычным. — Чего тебе?

— Решил вместе со своей невестушкой в ряды анорексичек записаться? — Алессандро закатывает глаза.

— Да иди ты.

— Уже третий час дня, а ты кроме этой дряни, — Конте обводит рукой многочисленные кружки и полупустую бутылку с алкоголем, — ничего не ел. Не появился на завтраке, на обеде тоже. Марта готовила, а в итоге никто не пришел.

— И Соколова? — прикрывает веки, медленный глубокий вдох и моментальный резкий выдох.

— Оторвись ты от этой бумажной возни, наконец. Эти документики никому, кроме тебя, не сдались. Сегодня Стефания возвращается из Рима, обсуди с ней произошедшее. Я

буду у себя.

— Джо, давно не виделись! — из женских уст звучит итальянский язык, а после низкая брюнетка падает в объятия Джованни.

— И я рад тебя видеть, — Конте целует девушку в макушку. — Ты перекрасилась в черный? Тебе идет.

— Спасибо. Как там та девочка?

— По-моему она тащит его на дно. Хотя куда еще ниже... Как раз собирался тебя отвести к ней.

— Привет! Я Стефания. — Дарья дергается от неожиданности и, быть может, страха, когда слышит итальянскую речь: все-таки этот язык у нее отныне и впредь будет ассоциироваться отнюдь не с солнечной Италией или ресторанчиками на ее побережье. — Ты не говоришь по-итальянски, не так ли?

— Нет-нет, я прекрасно вас понимаю, — в голове девушки начали всплывать случайные фразы и правила по грамматике, однако произношение ее не подвело.

— О, чудесно! Вчера Сандро должен был сказать, что теперь я буду куратором твоего лечения. Я психотерапевт. Его в том числе, — Стефания не стала себя утруждать и пытаться говорить по-русски, так что продолжала лепетать на своем родном языке.

«“Сандро”? Почему эта девушка зовет его таким именем?»

— Я Дарья, — как всегда, в сознании ни одной подходящей фразы в самый нужный момент. Тем более на итальянском.

Девушки опустили на кровать.

— Манфьолетти мне сказал, что у тебя пищевое расстройство. Это так?

— Я совру, если скажу «нет», — нервный смешок слетел с ее губ. «Бьюсь об заклад, он уже доложил ей и о моих суицидальных наклонностях, и о том, что я очищаюсь. Хуже всего, если вдруг кто-то узнает о селфхарме...».

— Ладно, я смотрю, ты не слишком разговорчивая. Но ты признала проблему. Это уже половина пути к ремиссии. — Соколовой пришлось сжать зубы и прикусить щеку, чтобы не залиться истеричным смехом. В голове пару раз успели пронестись мысли, что эта девушка под веществами.

«Как у нее все просто»

— Вы же знаете, что от РПП нельзя полностью излечиться, да? Его голос все равно будет преследовать меня весь остаток жи...

— Знаю, но не хочешь хотя бы попытаться? — молчание. — Ты же ясно понимаешь, что анорексия — это медленное самоубийство. Это проявление агрессии к самой себе. Манфьолетти говорит, что до твоих похорон осталось всего несколько месяцев, если ничего не предпринять.

В горле главной героини застрял ком. Желание провалиться сквозь землю стало в десятки раз сильнее. Тело занемело, глаза нервно забегали по комнате, и остановились на двери.

«Пожалуйста, пускай сейчас кто-нибудь зайдет. Пусть это будет хоть Конте, хоть Алессандро, мне все равно. Спасите меня, боже»

Слова Стефании уходили на фон, паника начинала душить, звон в ушах усиливался.

— Никто не зайдет, не надейся. Сандро по уши в работе, Джованни не посмеет, — она

словно озвучивает мысли Дарьи. Приступ панической атаки уже крепко сжимает горло, а понимание иностранных слов дается ей все сложнее. — Ладно, не буду давить на тебя, смотрю, ты не в состоянии. Давай... просто расскажем друг другу о себе? — равнодушное пожатие плечами, за которым скрывается мольба об одиночестве. — Окей, я начну. Я Стефания Руссо, мне двадцать шесть. Родилась в Неаполе, приехала учиться в Рим, где случайно познакомилась с Манфьолетти. И вот, я здесь. Что на счет тебя?

— Я... мне восемнадцать, родилась в Петербурге, — тихо начала Соколова. — Переехала в Москву, когда мама очередной раз вышла замуж. Закончила первый курс на художественном факультете, а потом попала в...

Дарья замолчала. Раньше она не могла вспомнить ту ночь, как бы ни старалась. Но сейчас пустое место в голове быстро начало заполняться, а перед глазами будто пролетали кадры, как в кино, только на скорости «два икс».

17 июля.

Вечеринка в Подмосковье, на даче у однокурсника Дарьи. Некий Даниил Раевский. Душ компании, экстраверт и просто лидер в их группе. Обычно Соколова не бывает на таких мероприятиях, но в тот день решила сделать исключение, по совету мамы. Мол: «сходи, развейся, ничего страшного не произойдет». Она и пошла.

Тяжелые басы ударяют в уши, алкоголь льется рекой, пара студентов лапает друг друга на диване в углу, а компания ребят из параллели расположилась у камина. Раевский даже где-то раздобыл дурь. Главная героиня не помнит, что именно это было. В сознании просто маленькие цветные таблетки. Сине-зеленая, желтая, красная, затем вновь желтая.

— Ну, Да-а-аш, не будь занудой. От одного раза совершенно ничего не произойдет! — не унимался парень.

— Дань, я не буду употреблять. Мне вообще некомфортно находиться тут.

— Да я тебе серьезно говорю, все пучком будет! Ну, разочек, а? Я все проконтролирую, если тебя понесет. М?

Она не напилась, как ей говорила мама. Даша никогда в жизни бы ни пила. Она употребила наркотики, и ее сознание было затуманено ими. Прежде, чем проглотить таблетки, в голове девушки проскользнула лишь одна мысль: «надеюсь, там нет калорий».

Три часа ночи. Уже 18 июля.

Все пьяны и напичканы веществами. Трезвых людей, казалось, тут не оставалось. Ванная вся заблевана, даже потолок. Кто-то спит прямо на полу, парочки уединились в спальнях, остальные разошлись. Только трое сейчас не спешили идти отсыпаться: Соколова, Раевский и Кирилл. Последний, из вышеперечисленных личностей, являлся молодым человеком Даниила.

— Даш, а тебе слабо сейчас проехать на байке двадцать километров и не размазать себя в лепешку?

— Данил, ты конченный? — студент попытался заступиться за Дарью. — Она же и ласты склеить может.

— Ничего не склею. Смотрите и завидуйте, сейчас все будет.

— Может не надо?

— Кирь, не нуди, — отмахнулась девушка.

На горизонте заря, ноги дрожат, нет сил даже на то, чтобы нацепить на себя шлем. Пустая трасса, все идет относительно хорошо. Первые десять километров преодолены с легкостью. Но вдруг...

Перекресток и перпендикулярно проезжающий черный джип. Белая вспышка, оглушительный удар.

«Что произошло?»

Тело не может пошевелиться, словно оно и не принадлежит Дарье, а из виска тонкой струйкой сочится теплая кровь. На пару секунд девушке даже показалось, что душа покинула свою оболочку и больше туда не вернется.

— Вот же черт! Полуумок, в 103 звони, чего сидишь! — быстрые шаги двух человек приближались к Соколовой, отдаваясь в ее ушах ужасным грохотом, а затем она почувствовала на себе чьи-то руки. — Эй, только не вырубайся, смотри на меня, — последние слова, прежде чем перед глазами все затянет черной пеленой.

— Соколова, алло! Ты меня слышишь? — около девушки сидел Алессандро и размахивал перед ее лицом руками.

— Все хорошо, — максимально неуверенный ответ.

— Да нет, все плохо. Росси до тебя минут двадцать добиться хоть какой-то реакции не могла, позвала меня. Что за приколы?

— Я нормально себя чувствую, правда, — а голос-то дрожит, да еще как. Глаза стеклянные, смотрят в одну точку, пульс участился. — Что произошло в ту ночь?

— Ты о чем?

— Семнадцатое июля.

— А, это... У меня сейчас нет времени, я ухожу, но позже могу рассказать. А чего вдруг вспомнила об этом?

— Просто интересно.

— Понятно. Лучше мне скажи, когда ты собиралась поставить меня в известность, что знаешь итальянский язык? Как ты его вообще выучила?

— Что?

— Итальянский. Росси сказала, что ты с ней говорила на итальянском. Зачем он тебе?

— В четырнадцать начала учить.

— Меня не интересует, как давно ты его учишь. Я спрашиваю, для чего?

— Не знаю... захотелось. А это имеет какое-то значение?

— Ясно, — с усмешкой хмыкнул Алессандро, направляясь к выходу. «Да чушь же. Она ведь не могла сливать информацию Русецкому?», — Буду снова поздно, не жди. Доброй ночи.

Свет погас, мужчина вышел, она снова одна. Что ему, черт возьми, ясно?

[1] Синдром дисморфофобии — это состояние психики, при котором человек чересчур озабочен своей внешностью, не может адекватно оценивать особенности собственного тела, и делает все для исправления надуманных недостатков.

*[2] И я сказал Коралин, что она может вырасти,
Собрать свои вещи и уйти.*

*Но она чувствует, что монстр держит её в клетке,
Превращает её тропу в минное поле.*

*И я сказал Коралин, что она может вырасти,
Собрать свои вещи и уйти.*

Но Коралин не хочет есть, нет,

Да, Коралин хотела бы исчезнуть.

[3] Спасибо (ит.).

Пять вещей

2 сентября.

Пятый час утра. Даша решила дожидаться Манфьолетти, поэтому еще даже не легла. За окном моросит дождь, стуча по стеклам и крыше, но лучики солнца уже пытаются пробиться сквозь густые тучи. «Интересно, он сегодня вернется? Надеюсь, что...»

Протяжный скрип двери. «Видимо да»

Высокий тонкий силуэт проскальзывает вглубь комнаты, снимая с себя плащ. На воротнике темной водолазки черные разводы. Из-за плохого освещения мало, что можно было разглядеть, но Соколова и так смогла догадаться, что это за пятна.

«Это же ведь не кровь?»

Девушка задержала дыхание, зажмурила глаза и успела уже сто раз пожалеть, что еще не спит. Но Алессандро лишь вышел в коридор. В ванной комнате зашумела вода. Дарья облегченно выдохнула. «Я же теперь не усну» — глупая. Организм все равно возьмет свое, и усталость окажется сильнее страха.

Даша просыпается одна. «Похоже, он так и не приходил»

Рука сразу тянется к тумбочке, на которой всегда лежал ее смартфон. Пусто.

«Точно, Манфьолетти же его забрал»

Резкий рывок, и вот, девушка уже в ванной. Смотрит на себя в зеркало. Кожа землистого оттенка, лицо истощено, под тусклыми серыми глазами залегли синяки. Рыжие волосы стали сухими, спутались и наэлектризовались от подушки.

Дарья опускает веки.

«Ненавижу. Ненавижу свой цвет глаз. Они... Я не знаю, какие они. Никакие. Самые обычные. А волосы... Рыжие, вьются. Выгляжу как клоун. И лицо бледнее бумаги. Почему я такая?»

Рука тянется к двери, но вдруг замирает. Соколовой не хватает духа, чтобы постучать. Какой-то щелчок в голове. Костяшка указательного пальца трижды стучит по лакированному дереву.

«А если мне никто не откроет?»

Тишина. Никаких признаков жизни за этой чертовой дверью. «Да кто я такая, чтобы он тратил на меня время? Естественно никто не...»

— Что-то хотела? — кажется, Соколова даже вздрогнула. Она настолько ушла в свои мысли, что не услышала шагов за своей спиной.

— Да, — кивнула, боясь обернуться к нему лицом. — Мы можем поговорить?

— Заходи.

Алессандро на пару секунд замялся, но затем достал ключи из своего плаща, — «Он носит его, не снимая?» — и зашел в кабинет. Первым делом убирает бумаги, которые все это время держал в руках, в папку с названием «Importante[1]». Она отправляется в ящик стола, под замок. Только после этого Манфьолетти снимает с себя верхнюю одежду и вешает ее на спинку кресла.

— Садись. Я тебя слушаю.

Девушка опускается на диван.

— Вы можете вернуть мой телефон?

— Нет.

«Нет? В смысле, «нет»?»

— Но почему?

— Я еще не все проверил. И в принципе до сих пор не брал его в руки. Мне сейчас не до этого. Это все?

— Можно хотя бы на пару минут?

— Не испытывай мое терпение. Иди.

— Мне надо проверить кое-что на электронной почте. Это важно, — в ответ молчание и осуждающий взгляд. — Я вас прошу, дайте тогда хотя бы ваш телефон или любое другое устройство... Мне просто нужен мой гугл-аккаунт, пожалуйста.

Тяжелый мужской вздох, и он достает из кармана брюк свой мобильник. Новенький айфон в матовом черном чехле летит на диван и приземляется рядом с Дарьей.

«Почему он доверил мне свой телефон? В прочем, неважно. Сейчас куда важнее другое»

Соколова быстро открывает электронную почту, входит в свою учетную запись и открывает папку «избранное».

— Вот же черт... — непроизвольно, тихим шепотом, слетает с губ Дарьи. Манфьолетти даже оторвал голову от кипы бумаг, чтобы посмотреть, что происходит.

Глаза стеклянные, взгляд вроде опущен в экран, но на самом деле смотрит куда-то сквозь него. Рука крепко, до белых костяшек, сжимает корпус телефона, а лицо становится все бледнее.

Это из академии. Она поступила. Соколова успешно сдала экзамены, и ее зачислили в Петербургскую академию художеств. В ту самую легендарную академию, в который учились Крамской, Репин, Серов...

«Да там много кого там училось! Я упускаю такой шанс. Какая же нелепая ситуация...»

Молча, кладет телефон на стол и выходит за дверь с глупой улыбкой. Если не будет улыбаться, то будет плакать. Нащупывает в кармане пузырек, откупоривает крышку, после чего две белые таблетки отправляются в рот. На ватных ногах Соколова доходит (вернее, доползает) до спальни, падает на кровать, и абсолютно без эмоций смотрит в потолок.

3 сентября.

Главная героиня спала буквально пару часов, и то, отрывками. Пару раз даже просыпалась посреди ночи из-за не самых приятных снов: ей вновь казалось, что за ней бегут. Однако реальность порой оказывается страшнее: еще даже не успев открыть глаза, Дарья почувствовала руку Алессандро на своем теле. В первый раз та была закинута на ее ребра под грудь, а в следующий уже переместилась на ключицы и с силой, практически до боли, сжимала ей плечо.

Не смея даже шелохнуться, девушке пришлось заставить себя уснуть. Но вот проснувшись в третий раз и увидев на небе солнце, даже малейшие остатки сонливости странным образом вмиг пропали. Повернув голову вправо, Дарья практически столкнулась носом с шеей Алессандро. Внезапно захотелось сорваться и побежать подальше от этого места, но стиснув зубы и пару раз глубоко вдохнув, она привела мысли в порядок.

Завтра свадьба. Еще есть шанс сбежать, но у Дарьи нет, ни денег, ни телефона, ни знакомых. Она одна и единственный человек, который желает ей добра — ее мама. Но и та в Москве.

Перед глазами Соколовой все затягивает мутной пеленой слез, но девушка скрывает это, зажмурившись. В этот момент для полного счастья не хватало только разбудить Манфьоветти всхлипами.

«А может все-таки сбежать?»

Нет. Без вариантов. На выходе из дома охрана, по всему периметру двора тоже.

«Порой жалею, что тут всего лишь два этажа. С того света меня вряд ли кто-то достанет. — Мужские пальцы усиливают хватку на плече Дарьи, а сама девушка распахивает глаза. — Хотя нет, уже ведь доставали»

Близится полночь. Манфьоветти все еще нет. Но, что уж скрывать: Соколова не слишком желала вновь делить постель вместе с Алессандро.

Тихий стук в дверь. «Кто это? Обычно он не стучится»

— Даш, тебя Алессандро зовет. Хочет поговорить, — ужасный ломаный русский. На пороге показывается Джованни.

«Манфьоветти узнал про академию?»

— Иду.

— Завтра церемония, ты же помнишь?

«Как такое забудешь. Да уж, надеяться на разговор о моем поступлении было глупо» — пролетает в мыслях, но вслух Дарья не позволяет себе так отвечать.

— Да.

— Ладно, сразу обговорим правила. Если коротко, то... — Алессандро принялся поочередно загибать пальцы на правой руке. — Всегда держись рядом со мной или Джованни, ничего не ешь, и не пей с общего стола, ни с кем не заводи разговор. И даже не пытайся сорвать венчание. Четыре пункта. Вроде все предельно просто.

— А дышать можно? — едва слышный ядовитый шепот.

— Что, прости? — брови Алессандро приподнялись в удивлении, а Соколова только сейчас осознала сказанное.

— Завтра встаем в пять. Марта тебя разбудит. На свадьбе будет мой отец. Что-то ему ляпнешь — убью. Попытаешься все пустить по одному месту — пострадаешь не только ты. В придачу проблемы начнутся у твоего отчима и твоей ненаглядной мамочки. А теперь убирайся в комнату, — тишину разрезает вздох. — Пожалуйста, я не хочу тебя видеть.

4 сентября.

— *Госпожа, доброе утро! — Раздалось над ухом девушки. — Ванна уже готова. Госпожа... — Даша все слышала. Ей просто хотелось еще чуть-чуть побыть вне реальности. Она не хотела принимать случившееся с ней, не хотела больше слышать итальянский язык, или куда хуже — русский, с тошнотворным итальянским акцентом.*

«На счет три. Когда я скажу «три», я открываю глаза и с разбега ныряю в этот кошмар. Раз, два...»

— Твою мать, Соколова, вставай немедленно! — и Дарья подскочила. Ее с пинка окунули в океан реальности. Перед ней стоял Манфьоветти, никакой Марты в комнате не находилось. — У Агостини этой ночью убили мужа, я дал ей отгул. — Мужчина отдалился к окну. — Одежда в ванной комнате. Нам предстоит еще на другой конец Сицилии добираться, ибо банкетный зал находится в Катании, поэтому поторапливайся.

Соколова стоит перед зеркалом. Голубое платье, сшитое четко по фигуре, открытые плечи, тонкие бретельки, струящийся подол юбки. «Какого оно размера? 5XS? Лиф просвечивает. Да и вообще, оно слишком открытое...»

Снова мысли обрывает настойчивый стук в дверь.

— Ты скоро? До церемонии пять часов, — в ответ тишина. — Эй, ты там уснула? — девушка все еще молчит. Алессандро открывает дверь. — Ты решила меня игнорировать?

— Я в этом не выйду. — Итальянец закатывает глаза.

— И чем тебя не устраивает это платье?

— Да так, — нервный смешок. — Я просто выгляжу, как...

— ...шлюха? — Манфьоветти озвучивает ее мысли. — Да ты в этом платье само олицетворение чистоты и непорочности. Все, кончай со своими законами, прошу тебя, мы же опоздаем. Я в машине.

Этой ночью.

— *Пять вещей. На тебе должно быть ровно пять вещей. Одна — новая, вторая — что-то старое, третья — что-нибудь голубое, так же подаренное от близких, и... точно! Еще взятая у кого-нибудь на время.*

— *Откуда я все это возьму? Да и зачем?*

— *Я думаю, что у тебя все найдется. Это традиция.*

— *Но я не одалживала, ни у кого вещи. — Алессандро на минуту задумался. Обвел комнату заискивающим взглядом, и остановил глаза на своем кольце.*

— *Держи. Потом вернешь.*

Стрелка часов почти достигла половины одиннадцатого. До церемонии меньше получаса. На Манфьоветти белая рубашка из вискозы, пиджак и шелковые брюки. Удивительно, но плащ мужчина решил оставить дома.

За рулем Алессандро, спереди, около него, Джованни. Соколова и Стефания сидят сзади.

«Мне восемнадцать, а год назад я только получила аттестат. Какая свадьба? Я ему кто угодно, но не пара. Его отцу, наверное, гожусь во внучки»

— Мы на месте.

Пара минут до начала. В банкетном зале гудят голоса. Похоже, что в этом помещении собралась не одна сотня людей. Паника уже медленно подкрадывается к спине Дарьи.

— Даже не вздумай ничего пить, — прозвучал голос Алессандро над ее ухом, после чего он резко берет девушку под руку, и сам того не зная, задевает ее свежие порезы. Да, вчера Соколова все-таки сорвалась после длительной ремиссии и никакой голос разума ее не остановил. Слава богам, к платью в комплект шли перчатки, и она скрыла расплосованные предплечья, которые сейчас больше походили на малиновые слойки. Даже возможно, что в этот момент кровь проступила через нежно-голубую ткань.

Услышав, что Даша тихо зашипела и закусила губу, Алессандро вопросительно вскинул бровь, но через несколько секунд ослабил хватку. Он догадался.

— Алессандро! Здравствуй. Наконец-то я ее увидел. — К ним подошел мужчина лет шестидесяти, чья внешность являлась практически точной копией главного героя.

— Отец, познакомься. Это Дарья. Дарья Соколова, — в конце последовала мерзкая улыбка. Хотя нет, это скорее ухмылка, которая всем своим видом кричит: «Смотри! Да, это падчерица Русецкого. Теперь Россия тоже под моим контролем! Я тебя опередил!». — Даш, это Андреа — мой отец.

«Даш»

Он назвал ее сокращенной формой имени.

— Что ж, с минуты на минуту начнется церемония. Еще успеем пообщаться, — отец Алессандро уходит в другой конец зала, а Манфьоветти бросает на свою невесту мрачный взгляд.

— Сегодня самое прекрасное и незабываемое событие в вашей жизни, — голос регистратора разносится эхом по залу и отдается звоном в ушах.

«Бывали лучше»

— С этого дня вы пойдете по жизни рука об руку, вместе переживая радость счастливых дней и огорчение.

«Все, что сейчас тут происходит — наглая ложь. Я обманываю всех этих людей»

— Соблюдая торжественный обряд перед государственной регистрацией брака, в присутствии ваших родных и друзей, — «Ваших? Скорее его», — прошу вас ответить, Алессандро Манфьоветти. Является ли ваше желание стать супругами: свободным, взаимным и искренним? Готовы ли вы прожить с Дарьей Соколовой в горе и радости, богатстве и бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разделит ваши жизненные пути?

— Да, — твердое уверенное «да». Абсолютно непоколебимое.

— А вы, Дарья Соколова? Является ли ваше желание стать супругами: свободным, взаимным и искренним? Готовы ли вы прожить с Алессандро Манфьоветти в горе и радости, богатстве и бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разделит ваши жизненные пути?

Наступило молчание. Глаза безмолвно бегают по залу и гостям, в поисках помощи. И вдруг ловят взгляд Алессандро, что буквально орет (или умоляет?): «Скажи уже это чертово «sì»!».

— Да.

— Отлично! Прошу вас в знак любви и преданности друг другу обменяться обручальными кольцами.

Манфьоветти надевает на левый безымянный палец Соколовой украшение. Золотой корпус, крупный черный камень, похож на благородный опал.

«У мамы с таким же минералом когда-то были сережки»

Вновь небольшая заминка, но девушка, тем не менее, опускает палец Алессандро в кольцо (не без дрожащих рук, конечно).

— Объявляю вас мужем и женой, ваш брак законный! Можете поздравить друг друга поцелуем.

«Вот и самая паршивая часть, — в глазах Соколовой почти животный страх, а к горлу подкатывает тошнота. — Смешно. До слез. Или больно. Черт возьми, это же мой первый поцелуй. Все действительно будет так?»

Манфьоветти делает шаг вперед. Сейчас он практически вплотную к девушке. Левая рука оказывается у нее на талии, а правая придерживает подбородок.

— Не стой, пожалуйста, столбом. Ты же выдаешь нас, — тихий, еле слышный шепот, за

мгновение до того, как их губы медленно сольются воедино. Его поцелуй не был пошлым, определенно нет. Он был скорее холодным. Безразличный, отстраненный поцелуй, без намека на какие-либо чувства.

Его язык незаметно и совершенно мимолетно проводит по внутренней стороне девичьей губы, но исчезает также быстро, как и появился. В этот момент в нос Дарьи ударяет запах дорогого парфюма, а земля уходит из-под ног. Если раньше этот аромат казался невероятно приятным, то сейчас словно душил Дарью, а если бы Алессандро не прижимал девушку к себе, она давно бы лежала на полу.

Неожиданно мужчина до крови прикусывает нижнюю губу Соколовой, тем самым отрезвляя ее, и отстраняется. Далее следует шепот. Далекое не нежный или доброжелательный голос. Совсем нет. Скорее злой, грубый, или даже... пугающий.

— Ты думала, я не узнаю? — Даше захотелось сжаться в комочек под его цепким взглядом. С пробуждением солнца в Алессандро словно оживал сатана, личность которого засыпала только вместе с телом. Если смотреть на Манфьоветти, когда тот спит, то вряд ли хотя бы один человек, не знакомый с ним лично, сможет в нем распознать Дона одного из кланов Коза Ностра, чье сердце уже давно сгнило, почернело, и было изъедено червями. Во сне его возраст не тянет более чем на пару десятков лет, чего не скажешь о нем сейчас.

— Что?

— Взгляни на тыльную сторону перчатки.

Девушка опускает глаза на предплечье. Кровь уже пропитала некоторые участки шелка. И вот в сей момент сердце по-настоящему ушло в пятки (явно уж не из-за испорченной перчатки или кровоточащей раны).

— Это...

— Дома поговорим.

— Я сейчас, — Соколова отдала бокал, наполненный розовым игристым (которое даже не пригубила) Джованни, и быстрым шагом направилась в уборную, не став дожидаться хоть какой-то реакции от Манфьоветти.

Из серых глаз проступили слезы, а кислород перестал равномерно поступать в мозг.

«Да что ж со мной такое?»

Как назло, девушка забыла таблетки в сумочке, которая осталась лежать в багажнике автомобиля.

Даша, морщась от боли, стягивает перчатки. Открывает кран, включает холодную воду и держит руки под струей. Пытается успокоиться, но не выходит.

Шорох за спиной. В этот момент кто-то зажимает ее рот ладонью. Через мгновение к ребрам девушки приставляют дуло пистолета.

— А сейчас ты пойдешь со мной, потому что... — выстрел. Нападавший не успел договорить предложение, как оказался на полу с пробитой грудью, морщась от боли. — Сразу прибежал, ты смотри!

В дверях стоял Манфьоветти. Его губы снова скривились в злостной ухмылке.

— Мастронарди, ты это заслужил. Считаю, что это за Агостини.

Внезапно раздался еще один хлопок. Теперь пуля оказалась уже в теле Соколовой. Он все-таки успел нажать на курок перед тем, как перестанет дышать. А вода все еще течет в раковину...

— Проклятье, — Дарья оседает на пол в приступе кашля. На ладони, которой она

прикрывала рот, остается кровь. Главная героиня даже не вскрикнула.

«Только вчера думала о суициде, а в итоге все сделали за меня. Но почему именно сейчас мне так остро захотелось жить?»

— Твою ж мать, Соколова! Какого хрена ты не отошла от этого психопата? — Алессандро подбегает к девушке, параллельно набирая чей-то номер на телефоне. — Джованни? Помоги нам выбраться через черный выход, — Манфьолетти снимает с себя пиджак и дает его Дарье, со словами «зажми входное отверстие от пули».

Подхватывает ее на руки и несет к выходу.

— Я вполне могу идти... — закашливается, — сама.

— Да молчи ты! — они вышли на улицу. Теперь Алессандро может орать сколько угодно, не боясь оказаться замеченным. — Дура, я же тебе говорил: держись рядом со мной! Так ты меня и послушала. Пиздец... Поздравляю тебя: ты едва не сдохла за этот год уже дважды!

— Срочно позовите главного врача. У нее сквозное пулевое ранение в область грудной клетки, — первые слова Манфьолетти, когда он зашел на порог отделения грудной хирургии.

Девушка в окошке регистратуры замялась.

— Извините, я не имею права...

— Я сказал: живо позови Альфредо Мазарини. Бегом.

— Но все-таки...

Тяжелый вздох. «Почему же все люди такие корыстные? Хотя о чем я вообще... сам же такой»

— А так? — перед блондинкой оказывается несколько крупных купюр. Ее глаза жадно заблестели.

— Одну секунду.

Операция длилась уже час. Алессандро нахаживал шаги по больничному коридору, как вдруг поймал себя на мыслях о Соколовой.

«А если она не выкарабкается?»

Губа уже кровоточит от того, что ее постоянно пытаются прокусить.

«Да ну, в ту ночь в июле и не из такой задницы спасли. По сравнению с тем случаем, этот — чертов пустяк» — Остановился, прикрыл глаза. — Но все-таки в этом виноват я. Надо было этому ублюдку стрелять сразу в голову»

Резко достает свой смартфон из кармана. Заходит в мессенджер, печатает: «Конте, постарайся узнать, кто его нанял». Стирает, не успев отправить.

«Почему я вообще о ней беспокоюсь? Мне же безразлична ее судьба» — быстрым шагом выходит на балкон, берет в руки пачку сигарет. Табачный дым режет глаза.

«Не понимаю себя»

[1] Важное (ит.)

Пока человек чувствует боль — он жив.

Пока человек чувствует чужую боль — он человек.

(А. П. Чехов)

Альфредо выходит из операционной. Светлые пряди взмокли от пота и прилипли ко лбу. Зеленые глаза, когда-то имевшие цвет абсента, стали серыми. Мужчина явно вымотался.

— Ну как она? — Мазарини собирался уже удалиться к себе в кабинет, однако его остановил Алессандро. Он стоял в ожидании хоть каких-то новостей, подпирая спиной больничную стену.

— Организм сильно истощен. Мы несколько раз даже думали, что потеряли ее. Неизвестно, выживет ли, но сейчас лежит в реанимации. Если все будет хорошо, к вечеру переведем в обычную палату. — Манфьолетти кивнул. — Мне интересно другое: коим образом ты это допустил?

— Альфредо, давай не сейчас...

— Твою жену забрали с простреленными ребрами, прямо с собственной свадьбы! Ее платье все в запекшейся крови, поэтому приклеилось к коже. Ткань пришлось разрезать и сдирать с тела по частям! Что, черт возьми, произошло?

— Ори еще громче, чтобы все отделение знало, кто я такой! — главной герой опускает голову. Распущенные волосы падают на лицо, закрывая гримасу отвращения и страха перед неизвестностью. — Соколову заказали. Я не знаю кто. Сейчас занимаюсь этим. Кто-то захотел надавить мне на больное место. Не вышло.

— Она останется тут на несколько недель, не боишься повторного нападения?

— Мы завтра вечером поедem домой. Думаю, она будет в норме, — ровный, безучастный голос. Почему-то в этот момент Алессандро начал подозревать своего семейного врача.

— Но... — Альфредо оборвал рингтон, исходящий от телефона Манфьолетти.

— Одну секунду, — мафиози выходит на балкон, прикрывая за собой дверь. — Джованни, я тебя слушаю.

Вечером Дарью все же перевели из реанимации. Организм выкарабкался. Хотя, еще рано об этом судить.

И как только Алессандро очутился около ее тела, он застыл. Затем глубоко вдохнул, медленно выдохнул и зажмурился. Мозг стал подкидывать ему воспоминания этого лета...

26 июля.

Прошло восемь дней с того инцидента. Манфьолетти иногда посещал Соколову. Но делал это только рано утром, или поздно ночью, зная, что останется незамеченным. Приходил, и видел истощенную девушку на больничной койке. Она будто исчезала, растворялась прямо у него на глазах. Врачи не давали никаких прогнозов. Говорили, мол, делают все возможное. Однако никто не знал, когда Дарья очнется.

Нередко приходила ее мама. Время от времени — некий Раевский. Сначала Алессандро думал, что это ее молодой человек, но как позже выяснилось, у того уже была вторая половинка. Однажды даже приходил Русецкий. Посмотрел на почти бездыханное тело

своей приемной дочери, скривился от вида травм на ее теле и ушел. Больше не появлялся.

Манфьолетти осторожно опустился на стул, что находился в палате. Монотонный пик кардиографа вгонял в сон, учитывая, что за последние четверо суток он отдыхал всего несколько часов.

«А что, если она вновь впадет в кому на месяц? Что, если ситуация повторяется?» — последние мысли Алессандро, и вот, он проваливается в сиреневую дымку сновидений.

24 декабря 1999 года.

Маленький Сандро просто хотел быть как все обычные дети. Гулять в сочельник Рождества, помогать маме на кухне, чтобы накрыть праздничный стол, наряжать вместе со своим младшим братом священную ель, наблюдать, как папа вешает гирлянды на окна их дома. Но вместо этого, он сидит в подвале у одного из врагов своего отца. Алессандро и его родительницу похитили, когда те возвращались домой с прогулки. Франческо же остался дома, в наказание за плохие старания в учебе. Отец обычно не разрешал им одним шататься по улицам Марсалы, но в этот раз он об этом не узнал. По крайней мере, не должен был узнать.

— *Кто это у нас? Синьора Ванесса! Что же синьор Андреа отпустил вас с сыном одних?* — глаза женщины расширились.

«Это же те ублюдки из России»

Одним движением руки мать спрятала своего ребенка за спину. Сейчас она была рада, что не взяла Франческо с собой.

— *Ну же, Коль, чего ты стоишь?*

В этот момент кто-то подкрался из-за спины, приложил влажную тряпку к лицу брюнетки, а ребенка огрел рукояткой пистолета по затылку.

— *Сделано.*

В напоминание о том Рождестве, у Манфьолетти остался отвратительный шрам под ключицей, который в шестнадцать он перекрыл татуировкой. Когда их нашли, Ванессы уже не стало. 28 декабря состоялись похороны, на которые Сандро не пришел. Он наивно верил, что его мама просто уснула. Завтра утром она обязательно проснется, и все станет как прежде...

5 сентября.

Дарья распахнула глаза. Ребра невыносимо болят, в комнате уже светло, а за окном звуки сирен «скорой помощи». Медленно поворачивает голову и видит Алессандро, дремавшего на стуле подле постели. Голова опущена вниз, волосы, длиной до середины шеи и обычно собранные в пучок, сейчас распущены и падают ему на лицо.

В мыслях Соколовой пролетает множество вопросов, но будить Манфьолетти она не собирается. Аккуратно приподнимается в кровати и, понимая, что это была плохая идея, падает обратно.

Но даже такого ничтожного шороха было достаточно, чтобы мужчина проснулся. Он всегда спит максимально чутко и это не зависит от того, насколько сильно его организм нуждается в отдыхе. И это ничуть не удивляет.

— Не вставай, — сухо пробормотал Алессандро. — Ты как? Что-то помнишь?

— Что с тем человеком? — Дарья закашлялась, а он бросил на нее непонимающий

взгляд. — Он мертв?

— Ты о Мастронарди? Если честно, мне все равно, — неизменно прохладный тон. — Думал, что ты задашь вопрос из рода «что произошло» или «кто меня заказал».

— «Заказал»? — вновь кашель перебивает ее. Горло дерет, ужасно хочется пить. Манфьоветти подает Соколовой стакан воды. Она недоверчиво смотрит на сосуд с прозрачной жидкостью, но когда новый приступ кашля наступает своей ногой ей на глотку, все-таки делает глоток.

— Не собираюсь я тебя травить, — смешок, на этот раз добродушный. — Не в моих интересах.

— Что значит, «заказал»?

— То и значит. Клаудио Мастронарди — наемник. Не принадлежит ни одному клану. Он как шлюха — все его поимели, но с собой в жизнь не взяли, — Алессандро запнулся, отвел взгляд на потолок. Следующее предложение последовало шепотом. — Хотя утверждает, что сам по себе.

— Кто-то другой захотел меня убить, а он лишь выполнял свою работу?

— Наконец-то! — мужчина резко оживился и отошел к двери. — Как туго до тебя доходит. Я пойду за Альфредо, скажу, что ты пришла в себя.

— Ты уверен, что хочешь забрать ее с собой этим вечером? А если будут осложнения? — Манфьоветти задумался. Цепкий взгляд Мазарини не отрывался ни на секунду от темных ресниц собеседника. — Алессандро, не молчи!

— Теперь уже нет... Не уверен. Наверное, я уеду в Марсалу, а Соколову, — Манфьоветти прикусил язык. «Черт, он же ничего не знает о нашей сделке», — кхм, Дарью оставлю тут на несколько дней. Десятого числа за ней отправлю своего консилъери.

Альфредо одобрительно кивнул.

«А если заказчик все-таки он?»

10 сентября.

Сегодня главная героиня возвращается домой. К сожалению, не к себе.

За окном с самого утра льет дождь, на часах почти девять, а луна на темном небе уже давно успела сменить солнце. Алессандро так и не отдал девушке ее телефон, и она оставалась без связи несколько дней. Дарья безрезультатно задавалась вопросом каждую половину часа, как сейчас себя чувствует ее мама, хотя и понимала, что эти переживания просто пустая трата времени.

Спускается на лифте. Тот нещадно скрипит, так что девушка всю дорогу мысленно крестилась, чтобы она не застряла. Но, думаю, что даже если и застрянет, то не сильно огорчится.

Покидает стены здания и пытается отыскать взглядом автомобиль Джованни. Как только находит, пробегает под стеной холодного дождя и оказывается в теплом салоне машины.

— Привет, — глухо откликнулся тот. — К часу будем в Марсале.

В машине уже четвертый час играли Arctic Monkeys. Как оказалось, Джованни тоже фанат этой группы. Уже далеко за полночь, ибо на выезде из Катании пришлось постоять в пробке, да и в дальнейшем пути тоже попадалось весьма плотное движение. Но вот, в окне

мелькнула табличка с надписью «Marsala», а через несколько минут прозвучало заветное: «мы на месте».

Соколова самостоятельно открывает свою дверь, прежде чем Джованни успевает обойти машину и подать ей руку. В окнах гостиной горит свет.

Девушка заходит в дом, видит Алессандро с ее телефоном в руках. На его лице... потерянность? Но как только Манфьоветти ее замечает, сразу натягивает маску отрешенности и равнодушия, поэтому от его прошлой гримасы ничего не остается.

«Чего такого он там нашел? «Типичную анорексичку» в моих подписках?»

— Здравствуйте, — молчание. — Ладно, если что, я буду в...

— Подожди. Присядь, — мафиози кивает в сторону дивана. — Звонил твой отец.

— Он мне не отец, я же гово... — Дарью обрывают.

— Да послушай же меня!

Часом ранее.

Алессандро, лежа на диване, читает одно из произведений Булгакова. Решил подтянуть русский язык, и узнать, чего же такого интересного в «Мастере и Маргарите». Внезапно зазвучал итальянский трек. И этот звук исходил не от телефона Манфьоветти.

Поворачивает голову, видит на кофейном столике смартфон Дарьи. Дисплей сообщает о входящем звонке от контакта «Дима, муж мамы». Сначала итальянец усмехнулся. Но вот после того, что он услышал, когда снял трубку, уголок губ дернулся, точно в тике...

— Даш, извини, что так поздно. На Яну напали, она лежит в критическом состоянии, в реанимации. Нападавший сбежал, его не... — Манфьоветти перебивает собеседника. Похоже, у него это вошло в привычку.

— Дмитрий, здравствуйте. Вашей дочери сейчас нет дома, но я ей обязательно все передам, — голос Русецкого на том конце слегка дрогнул. — Извините, продолжайте. И можно, пожалуйста, подробнее.

— Что? Как это произошло?! — Соколова вскочила с дивана, из-за чего почувствовала головокружение и боль в ребрах. Она уже ощущала, как приступ паники держит ее за глотку.

— Сядь, прошу. И не перебивай меня, я все расскажу.

— Яна возвращалась домой вместе с женщиной из нашей прислуги. Это если верить словам Светланы...

— Светланы?

— ...Потом они решили скоротать путь через частный сектор. Там все и произошло. Света до сих пор в шоке, думаю, завтра сможет рассказать больше.

— Стойте-стойте, а почему тогда вашу служанку не тронули?

— Это вы меня спрашиваете?! Черт, эта сволочь пырнула мою жену ножом и скрылась, поджав хвост, просто трусив! А вы мне...

— Она же жива? — В голосе слышны нотки легкой истерики. Дарья начинает массировать переносицу и часто моргать. — Алессандро, прошу, можно мы поедem в Россию в ближайшее время? — на девушку падает в некоторой степени осуждающий взгляд.

— Если я и поеду, то сам. В тебя стреляли буквально неделю назад. Если эти два нападения как-то связаны, то тебя попытаются отправить на тот свет. Вновь.

— Да о чем вы говорите?! Моя мама при смерти, возможно, если я не приеду сейчас, то я больше никогда не смогу с ней поговорить! Алессандро, пожалуйста... — на последнем слове голос девушки дрогнул и оборвался, а Манфьолетти задумался. Покрутил обручальное кольцо на пальце, а меньше чем через минуту положительно кивнул.

— Хорошо, мы поедем в Россию.

«Боги, что я творю?» — пролетело в его мыслях. Однако слов обратно уже не заберешь.

— Собирайся, я пока что возьму ближайшие билеты «Рим-Москва».

— Спасибо большое! — в глазах Соколовой просияла надежда — наивное светлое чувство, которое служит спасательным кругом и позволяет ухватиться за него, когда кажется, что хуже уже не будет. Сама же девушка быстрым шагом направилась в спальню, совершенно игнорируя чудовищную боль в ребрах.

11 сентября.

Всю дорогу в самолете Дарья сидела в наушниках: Алессандро наконец-то вернул ей телефон. С момента, как девушка узнала о произошедшем, не проронила ни слезинки. Та же ситуация обстояла и со словами — все время молчала. Возможно, она не осознавала ситуацию. Возможно, просто не хотела проявлять эмоции и казаться слабой перед малознакомым ей человеком... Однако, она не знала, что будет делать и как отреагирует, если ее мамы не станет. Транквилизаторы, которые Соколова (или уже Манфьолетти?) раньше принимала, итальянец забрал, либо она их где-то потеряла. Тем не менее, в своей косметичке главная героиня таблеток не обнаружила.

«Возможно, это к лучшему» — размышляла девушка. У организма за два года развилась толерантность к этому препарату. Поэтому, вместо назначенной одной второй таблетки, Дарья принимала две целых. Иногда (а в последнее время часто) — дважды в день.

— А вот и Москва, — Манфьолетти повернул голову к иллюминатору.

— Спасибо, что встретил нас, — Даша благодарно кивнула своему отчиму, когда они вышли из автомобиля. В Москве еще холоднее, чем в Марсале, что в принципе логично. Девушка успела отвыкнуть от холода своей родины за неделю...

«К хорошему быстро привыкаешь» — но можно ли назвать пребывание в том доме — действительно чем-то *хорошим*?

— Где ваша служанка? Как там ее... — Алессандро брел за Соколовой по узкой каменной кладке, ведущей к входной двери.

— Светлана. Ее имя Светлана.

— Да. И где же она? — настойчивый взгляд итальянца сверлил Русецкому затылок.

— В полицейском участке. Ее задержали, — прискорбно хмыкнул Дмитрий.

— Свету?.. Задержали? — Дарья вклинилась в их разговор. — Они же не думают, что это она напала на маму? Что за бред...

— Почему ты так уверена в ее невиновности? — мафиози недоверчиво вскинул брови.

— Да я знаю ее с пятнадцати!

— И что с того? — Манфьолетти упорно отстаивал свою точку зрения. В данной ситуации его русский, с итальянским акцентом, звучал странно и... даже забавно.

Дворецкий открывает перед ними дверь, запуская в прихожую. Хотя у них в особняке наводили порядок слуги практически каждый день, без Яны это место было словно заброшено. Так пусто...

— Вы только с дороги, вам необходимо отдохнуть, — Соколова растерянно кивнула, но просто так соглашаться с отчимом не собиралась.

— Может, сначала навестим мою маму? — она обернулась через плечо, заглянув Алессандро в глаза. Чего она там ожидала увидеть? Поддержки? Черта с два.

— Сначала навестим... — Манфьоветти запнулся, вспоминая это треклятое исконно русское имя.

— ...Светлану, — в который раз, пожилой мужчина нервно напоминает главному герою, как зовут эту женщину. Порой, он так за нее печется, что можно подумать, будто у них роман.

— Пономарева Светлана Владимировна... — первые слова следователя, когда тот вошел в комнату допроса. За ним неторопливо проскользнул Алессандро, в чьих глазах и мимике резко заиграло удивление. Охранник закрыл дверь.

«Эта фамилия настолько популярна в России? Просто совпадение?»

— Все верно? — блондинка кивнула. — Я веду дело Яны Русецкой...

Дальше Манфьоветти его не слушал. Взглянул на окно, сделанное из стекла-шпиона, иначе называемого зеркалом «Гезеллой». В коридоре сейчас находится Дарья и, наверняка, пристально наблюдает за их беседой. И с вероятностью в сто процентов успела разглядеть замешательство на лице итальянца после того, как некий следователь Коваленко озвучил фамилию Светы.

— Подождите... Пономарева? А у вас есть сын? — Алессандро оборвал полицейского, медленно подходя к столу. Взял из рук Коваленко папку с личным делом женщины, просмотрел. Ответ все еще не был озвучен. Тогда он пригляделся к копии ее паспорта.

— Извините, Алессандро. Но, какое отношение к этой ситуации имеют дети? — сквозь зубы процедил мужчина, явно намекая, что тот ему мешает работать.

— Ну? Так что? — поднимает со столешницы прозрачный перфорированный пакет с несколькими листами, на которых были распечатаны страницы документа, подтверждающие личность Пономаревы. Достает по одному листочку, пока в воздухе повисла тишина. Медленно, будто смакуя, вчитывается в содержание каждого. Добирается до шестнадцатой страницы и удовлетворенно зачитывает: — Пономарев Руслан Андреевич...

На лице Манфьоветти застывает изумление.

— Гражданочка, а чего вы горничной то работаете? Я вашему сынку недостаточно плачу?

— Синьор Манфьоветти... — начал следователь, тем самым полностью раскрыв перед Светланой его личность.

— Юрий Викторович, вам еще доплатить? — правда, за правду. — Той суммы, которую я вам перевел — недостаточно? — кофейные, а сейчас почти черные, глаза сузились в две щелки. Его взгляд не выражал ничего хорошего. — Простите, мне надо идти, — бросил Алессандро через плечо. Его голос походил больше на шипение змеи или шелест сухих листьев, чем на тот, что принадлежит человеку.

Соколова и ее отчим недоуменно взглянули на Манфьоветти, который сейчас вышел к ним, нагрубив следователю и приступив набирать чей-то номер.

«Он что, совершенно не боится? Сам же говорил, что с правительством России у него проб... А, точно. Он же теперь сотрудничает с Русецким»

— Джованни, они все-таки связаны. Ты сам все слышал. Срочно отследи

местоположение Пономарева, — зазвучала итальянская речь, которую из всех присутствующих могла понять лишь Дарья.

— Уже. Его мобильный запеленговала сотовая вышка в Петербурге, около аэропорта. Похоже, что он только с самолета.

— Сбежал, значит... — мрачный вздох. — Конте?

— Да?

— Ты ведь еще не вылетел в Москву?

— Брать билеты в Питер?

— Да, я тоже сейчас туда отправлюсь.

Но прежде, как Алессандро и обещал, они поехали в больницу.

Он видел, в каком состоянии Дарья, поэтому и не смог ей запретить навестить мать. Манфьюлетти знал не понаслышке, что такое потерять родительницу, поэтому и позволил девушке перед рейсом съездить к Яне. Хотя, он почти уверен, что будь кто-нибудь другой на месте Соколовой, послал бы его напрямиком к чертовой бабушке.

Когда Дарья зашла в палату и увидела практически бездыханное тело матери, Алессандро на пару секунд почудилось, будто девушка сейчас без сознания растянется на белом кафельном полу. Он наблюдал, как Даша накрывает своей рукой пальцы Яны, как ее коленки подгибаются все ниже и ниже, как ее бьет мелкая дрожь.

В итоге не выдержал: медленно подошел со спины к Соколовой и положил ей на плечи свои ладони. Ожидал, что она вздрогнет или хотя бы обернется от его внезапного прикосновения, но никак не мог думать, что та просто это проигнорирует. Грустно усмехнулся, когда вместо тепла и мягкости плоти ощутил лишь твердость и холод выступающих костей.

Вся эта ситуация слишком напоминала ему этот июль и проклятый девяносто девятый год.

— Три перелета за сутки и несколько часов дороги в машине... и двое суток без сна. Притом, что у тебя под сердцем все еще зияет незажившее пулевое отверстие. Ты уверена, что хочешь полететь со мной? — Манфьюлетти скептически просканировал Дарью взглядом. Они стояли во Внуково, ждали объявления посадки на рейс. Девушка за два дня побывала в Катании, Марсале, Риме, Москве, а сейчас и вовсе отправится в Санкт-Петербург. Как чисто физически такое можно успеть, она сама не понимала.

— Петербург — город, в котором я родилась. И моя нога ступала на его земли в последний раз, когда мне было пятнадцать. У меня до сих пор в сумке лежат ключи от старой квартиры, — девушка указывает головой на шоппер, висящий у нее на плече. — Я хочу туда зайти.

— Если где-нибудь свалишься от переутомления — виноватой будешь ты, — почти безжизненная усмешка и холодный прищур. Но Дарья лишь согласно кивнула. — Ты ничего не ела уже, должно быть, неделю.

— Не хочется, — она задумалась, обвела глазами аэропорт. Уставилась на «Шоколадницу». — Только если кофе.

Тяжелый вздох растворяется в шуме.

— Здравствуй, язва желудка-а-а... — мелодично протянул Алессандро. — Хочешь умереть голодной смертью?

Стоило в воздухе прозвучать словам «начинается посадка на рейс номер...», как главная героиня метнулась к выходу, номер которого продиктовали. Мужчине оставалось только усмехнуться и последовать за ней.

Дарье все же удалось немного поспать в самолете, хотя перелет был недолгим. Через полтора часа эти двое уже были в Пулково. Девушка первым делом отправилась в Старбакс, которого во Внуково не оказалось. Манфьолетти оставалось только презрительно закатить глаза и тактично промолчать. Раз Соколова предпочла его наставления полностью проигнорировать, то пусть делает, что хочет. Но давайте заметим то, что она переступила через себя и купила капучино с карамельным сиропом(!), а не мерзкий американо, как обычно, уже являлось для нее победой.

Если в Москве хоть иногда сияло осеннее солнышко, то в Петербурге моросил противный холодный дождь. Из-за повышенной влажности питерские четырнадцать градусов сейчас ощущались, словно московские пять.

Поймали такси, сели. Манфьолетти назвал водителю адрес — оказывается, «солдаты» клана, которые находились в России, уже успели отследить и схватить беглеца. Осталось только допросить его и узнать, для чего он все это совершает.

— Алессандро, я просто не понимаю его мотива. Я же ему ничего не сделала! Да он меня и видел то всего лишь однажды... — девушка недоумевала. Припала губами к трубочке, чтобы сделать еще один глоток кофе, про себя отмечая, что тот уже остыл. — А моя мама? Он же, наверняка, даже не знаком с ней! Тем более она дружит со Светой. Нет, Руслан определенно не выглядит как человек, способный на такое.

Манфьолетти усмехнулся, но отвечать ничего не стал. Сам размышлял на эту тему, не мог найти адекватного ответа на этот вопрос.

— Мы на месте, — таксист заехал во двор заброшенных трехэтажных домов. По его бегающим глазам можно было догадаться, что тот нервничает. Да и Соколовой становилось не по себе в этом районе. — С вас...

Итальянец бросает ему на коробку переключения передач красную пятитысячную купюру.

— Извините, у вас не буде...

— Сдачи не надо, — отрезает тот и выходит из автомобиля, резко хлопая дверью. Водитель ждет, пока машину покинет и девушка, после чего сразу срывается с места. Похоже, своим поведением мафиози едва не довел бедного мужчину до истерики.

Главная героиня разворачивается лицом к зданию. Половина окон с битыми стеклами, подъездная дверь снята с петель. Краска на фасаде облупилась, а подле мусорных баков, заполненных до краев, пасутся бродячие собаки. Дома стоят так, что образуют некий колодец, поэтому любой изданный звук разлетается гулким эхом.

Сделав глубокий вдох, словно он мог помочь справиться со страхом, Дарья заговорила. Она и сама не ведала, откуда в ней сегодня столько смелости. Возможно, просто была благодарна Алессандро за согласие на поездку в Россию, а возможно, поняла, что он не собирается ее убивать и не такой уж и страшный человек. Но вот утверждать последнее было еще рано...

— Можно задать вам вопрос? — Алессандро вскинул левую бровь, продолжая широкими шагами пересекать двор. — Зачем я вам? Для чего вы так ярко хотите выяснить, кто решил убить меня? Почему не оставили меня в тот день уми...

— Кажется, это уже три вопроса, — он тихо рассмеялся. — Все максимально просто. Мой отец поставил мне условие: не передаст мне свою компанию, пока я не женюсь. Почему не оставил умирать тебя тогда на дороге? — Манфьолетти сбавил темп и бросил взгляд на свои кожаные туфли. — Не знаю. Наверное, посчитал в тот момент самым гениальным решением — заставить тебя плясать под свою дудку. Сначала сомневался. Но когда узнал твою личность, понял, что нельзя упустить возможность наладить отношения с правительством России.

— А зачем вы хотите узнать о том, кто заказчик этих убийств? — В этот момент они зашли в подъезд. На ступеньках лестницы разбросаны пластиковые шприцы и битые зеленые стекла от бутылок, а в воздухе повис затхлый запах плесени. На стене, стандартно выкрашенной в бело-синий цвет, были оставлены граффити и непристойные надписи.

— Просто интересно, — неубедительно пробормотал Манфьолетти, а Соколова даже подумала, что ослышалась. Ради какого-то «просто» он бы не стал лезть из кожи вон, лишь бы выяснить истину. Кто угодно, но не этот человек. — Если не устраню этого козла сейчас, он доберется и до меня, — вот это уже больше походило на правду.

Поднимаются на третий этаж, заходят в самую дальнюю квартиру. На небе уже собирается закат, поэтому красные лучи пытаются пробиться даже во мрак этой лестничной клетки.

— Себастьян, ты здесь? — низкий голос Алессандро раскатился по всему дому. Таким же эхом прилетел ответ.

— Я в комнате слева.

Манфьолетти ускорил шаг. Соколовой становилось более беспокойно с каждой секундой, проведенной в этом помещении. Заходят в спальню.

Первым делом в глаза бросается парень, сидящий на хлипком деревянном стуле, что издает ужаснейший скрип из-за малейшего движения. Ноги привязаны к ножкам, на виске и губе кровоподтек, глаз — отекший и позеленевший, а нос больше напоминает кусок мяса. Но это отнюдь не самое страшное! У него отсутствовали все ногти на правой руке и указательный палец.

— О боги, — Соколова выдохнула от сего зрелища. То, что они сотворили с его телом — было по истине чудовищно. Девушка попятилась назад, на что Алессандро лишь в который раз усмехнулся.

Все глупые любовные романчики про горячих сицилийских мафиози, которые сдувают пылинки со своих жен и ни в коем случае не позволяют им глядеть на подобные представления, чтобы, не дай бог, не травмировать их психику — оказались выдумками. Чертовы сказки, сочиненные девочками-подростками и ничто иное. И Дарья уяснила это уже давно, прочувствовав в полной мере на собственной шкуре.

— Дон Манфьолетти, он готов все рассказать, — пробормотал шатен, устремив глаза в пол. Наверное, он и являлся одним из «солдатов» семьи.

— Ого, наш сукин сыночек боится боли, надо же, — абсолютно невинная, детская, но какая же фальшивая улыбка засияла на лице мужчины. — Я тебя слушаю, — между ними повисло молчание. — Ну же!

— Моей маме угрожал ваш отец. Клялся, что убьет ее, если я не закажу у Мастронарди убийство вашей жены. — Кивок от Манфьолетти, после чего Руслану прилетел удар в живот от Себастьяна. Парень закашлялся, а ножка стула издала треск.

— Дальше, — потребовал Алессандро.

— Когда не вышло убить вашу жену, тот потребовал заказать у человека из России убийство ее матери. — Далее пострадала челюсть. Дерево протяжно закричало, а Пономарев оказался на полу. — Дон Манфьоветти, я, правда, не знал, что мне де...

— Почему мне не сказал, придурок? — грустный вздох и неожиданный удар кулаком в ребра. — Хочешь, я проявлю милосердие?

— Дон Манфьоветти, я не хочу умирать...

— Умирать, говоришь, не хочешь? — практически выплюнул Алессандро. — Как же ты жалок. Вы все говорите, что не хотите умирать. Стоит приставить к вашей тупой голове пушку, как вы завизжите: «я не хочу умирать»! Но только считанные единицы, смотря мне в глаза, действительно смогут сказать: «я хочу жить». К сожалению, таких я еще не встречал. — Алессандро, закончив свою умопомрачительную триаду, отодвинул край плаща и извлек из-под ремня черных брюк пистолет. — Соколова, отвернись, если не переносишь вида человеческих внутренностей.

Но главная героиня лишь уставилась на Руслана, ненароком встретившись с ним взглядом. Его глаза не выражали ничего — наверное, у покойника они были и то живее. В этот момент Дарье показалось, что она чувствует страх и боль молодого человека так, словно это ее избили по приказу Алессандро, а затем направили дуло пистолета прямоком в голову. Кажется, что если он сейчас умрет, Дарья тоже почувствует себя мертвой.

— Как знаешь, — хмыкнул Манфьоветти, за секунду, прежде чем спустить курок.

Оглушительный хлопок и человека, что говорил и стонал от боли буквально минуту назад — нет. А его глаза так и остались раскрытыми. Скоро, совсем скоро та синева в радужках поблекнет, затем посереет, а позже и вовсе помутнеет. Руслана больше не существует, а внутри Дарьи что-то оборвалось.

— Видишь, Соколова. Достаточно одной доли секунды и малейшего движения пальцем, чтобы заставить сердце остановиться. Вспомни мои слова, перед тем как решишь чикнуть вены или утопиться. Раз ты чувствуешь боль — значит жива. И твоему недалекому рассудку не помешало бы этому радоваться.

А в мыслях Соколовой уже звучало следующее: «раз ты чувствуешь чужую боль — ты человек». Но, похоже, что продолжение данных слов Чехова для Алессандро осталось неизвестным.

Главный герой огибает Дарью и выходит из квартиры. Девушка же так и остается стоять на месте, из-за чего ему приходится возвращаться за ней.

— Ты остаешься тут? — Даша молчит. Еще бы: она впервые стала свидетельницей убийства. — Боже, Себастьян, ты просмотри на нее! Да у девочки шок, — с наигранной озабоченностью и состраданием в голосе пропищал тот, после чего рассмеявшись, схватил Соколову за запястье и потащил за собой.

Лишь когда они отошли (Манфьоветти захотел прогуляться по Петербургу, поэтому решил обойтись без такси) на приличное расстояние от того треклятого дома, Дарья смогла прийти в себя. Виной тому стала резкая, но весьма отрезвляющая и уже, кажется, привычная боль в ребрах. Это неприятное ощущение преследовало Дарью и в аэропорту, и когда она пыталась поспевать за Алессандро, поднимаясь по лестнице, ибо боялась отстать и остаться одной, и даже сейчас. Однако говорить Манфьоветти об этом девушка почему-то не захотела.

— Что это было? — первый вопрос, да и вообще, первая фраза, слетевшая с ее губ за половину часа, которую она просто плелась за Алессандро.

— Что именно? — он обернулся.

— За что вы...

— За нарушение омерты. Я был вполне милосерден, заметь.

— «Милосерден»?.. — в голосе прокрадываются истеричные нотки. Манфьолетти кладет ей ладонь на лопатки, безмолвно прося ускорить темп шага.

— Давай зайдем? — кивает, указывая на кофейню. Соколова отрицательно вертит головой.

— Недалеко от нас находится моя старая квартира, мы можем пойти туда? — она получает в некоторой мере осуждающий взгляд, но мужчина все-таки соглашается.

Солнце давно зашло за горизонт, а в сердце неприятно кольнуло, когда Соколова зашла в один из дворов стареньких пятиэтажек. Наверняка, Алессандро едва ли отличит первый подъезд от второго и третьего, а чтобы не заблудиться в данном жилом комплексе, ему пришлось бы поднапрячь мозги и зрительную память. Но не Дарье.

— Ты говорила недалеко. Пятьдесят две чертовых минуты моей бесценной жизни, — взгляд на часы и страдальческий стон, когда они поднимаются на четвертый этаж. Но воспоминания ударяют в голову, поэтому девушка игнорирует язвительные фразочки своего спутника, немного отвлекающие ее сознание от боли. Дрожащими руками и не с первой попытки, открывает ключом входную дверь.

В квартире душно, воздух затхлый. Манфьолетти нащупывает тумблер на стене и включает свет. Гостей встречает надпись «welcome» на пыльном коврикe в коридоре. Вдоль правой стены расположилась осенняя обувь, синий зонтик раскрыт и оставлен на полу высыхать. В тот день шел сильный дождь, они с мамой промокли до нитки.

— Го-о-осподи. Ты здесь жила? — вздохнул Алессандро, не то с сочувствием, не то с призрением, но Соколова его уже совсем не слышала, ибо рассудком она полностью вернулась в тот день. На сей момент тело стало лишь оболочкой...

Декабрь 2017 года.

За окном льет дождь, время от времени сменяясь снегом. И, вишенка на торте — пробирающий до костей ветер. Классическая погода для зимнего Петербурга.

Сегодня Даша отправилась в школу без зонтика, из-за чего Яна, идя с работы, решила встретить ее.

По дороге домой женщины весело беседовали, а затем забежали в «Пятерочку», купили шоколадное печенье — этим вечером они собирались устроить марафон, залпом просмотрев весь третий сезон любимого сериала.

Однако, добравшись до своего этажа, прямо под входной дверью их подждал незнакомец, чьи слова весьма повлияли на их вечерние планы...

— По-моему, не помешало бы открыть окна и сделать уборку, — Алессандро, брезгливо морща нос, уже вошел на кухню, оставив девушку стоять на пороге. Распахивает шторы, в комнату ударяет свет фонарей с улицы. Проворачивает ручку на пластиковой раме, и поток свежего воздуха врывается в помещение. Аналогичные действия проделываются и в спальне.

Дарья разувается, вешает шоппер на железный крючок и следует в ванную. Моет руки, умывает лицо холодной водой, в надежде изгнать мерзкие воспоминания и прийти в себя. Взгляд случайно падает на мыльницу, которая до сих пор сохранила небольшой обмылок, уже подсохший и потрескавшийся за три года.

Заходит на кухню. На белом столе пятно от разлитого кофе, молоко забыли убрать в холодильник. Чашка с кофейным осадком стоит в раковине. В спальне дела обстоят не лучше: разобранная постель, раскиданные по всему полу в спешке учебники (которые Соколова так и не сдала в библиотеку), мертвые цветы на подоконнике. На балконе с того дня висит белье на сушилке.

— Что произошло тогда? — из своего мира Дашу выкинул голос Манфьолетти. Тот стоял на балконе, крутя меж пальцев незажженную сигарету. — Я имею в виду, что, судя по здешней обстановке, вы покидали свое жилище в спешке. Будто... случился атомный взрыв, как в Чернобыле.

Главная героиня усмехнулась от такого неуклюжего сравнения и повернула голову к старому шифоньеру. На деревянной лакированной дверце висел календарь. Красный пластмассовый квадратик указывал на 14 декабря. Пятница...

Теперь она знала точную дату «атомного взрыва» в ее жизни.

— Здравствуйте, вы Яна Сергеевна? — мужчина шагнул вперед, зачитав имя и отчество, глядя в экран своего смартфона.

— А вы кто? — женщина напряглась, до боли зажав в руке ключи.

— Я от Дмитрия Русецкого. Он мне велел вас забрать и отвезти в Москву.

— Что за бред, — Яна рассмеялась. — Уходите немедленно, иначе я вызову полицию.

— Давайте зайдём внутрь и все обсудим? — незнакомец все еще твердо стоял на своем.

— Вы в своем уме? Пропустите меня в мою квартиру сейчас же. — Но он даже не шелохнулся. — Послушайте, молодой человек: я вам совершенно не верю. Если у вас есть хоть какое-нибудь, хоть малейшее... — Яну перебили, сунув ей в нос записку с подписью Русецкого. Женщина быстро пробежалась по ней глазами, затем на несколько секунд задумалась, а позже на лице выразилось удивление, сменившееся глупой улыбкой. — Если он ту ночь на конференции в Москве принял в серьез, передайте ему, что для меня это ничего не значило. Убирайтесь вон из моего дома.

— Вы же в курсе, что у вас будут проблемы?

Манфьолетти, слушая данный рассказ и сбрасывая завядшие цветы с подоконника в мусорный пакет, едва не выронил его из рук, а затем глубоко вдохнул, чтобы не прыснуть со смеху.

— Так твоя мамочка переспала с председателем Госдумы? — Она уже успела пожалеть, что поведала Алессандро эту историю: он чуть ли не задохнулся, давась воздухом со смеху. Успокоившись и переведя дыхание, задал очередной, не менее убийственный, вопрос. — А что произошло с твоим отцом?

— Я думала, что вы знаете.

— Знаю, что он сидел. Не более.

1 января 2014 года.

С ноябрьского инцидента прошло полтора месяца.

Яна не захотела идти в полицию из-за жалости к своему мужу. Хотя Даша и пыталась убедить свою маму, что это неправильно и его необходимо наказать по закону, женщина настояла на своем и не подала заявление. Может, на самом деле она боялась Валерия, и на

это были отнюдь не малые причины: его ведь не будут вечно держать за решеткой (а жаль). Но даже если Яна и испытывала хоть какой-то страх перед этим человеком, то предпочитала полностью его скрывать. Тем более, Валерий не появлялся им на глаза с того дня.

— Ну, ты же видела, как он клялся, что завяжет пить! Он искренне раскаивался, просил простить... Тем более, он же не понимал тогда, что творит!

— Мама! Да как ты можешь ему верить после всего этого?

Неожиданно во дворе зазвучали женские вопли. Яна и Дарья метнулись к окну.

— Он попытался ограбить вашу соседку, чтобы догнаться очередной бутылкой? — Алессандро мыл зеркало в ванной, стараясь не оставлять разводов (честно!), но похоже, что Соколовой придется все за ним переделывать. — Боги, и тебе не мерзко после всего этого носить его фамилию?

— Сейчас я ношу вашу фамилию, — безразлично заметила Дарья, параллельно складывая грязное белье из корзины в стиральную машину. — И все равно, я не ассоциирую свою фамилию с отцом. Так что нет, не мерзко, — на пару секунд замерев, она задумалась. После, отрешенно добавила: — Но мне мерзко от пьяных людей и запаха алкоголя.

Стрелки на часах дошли до двойки. Значит, уже двенадцатое сентября.

Дарья меняет простыни и наволочки на подушках, убирает одеяла в шкаф, достает старые шерстяные пледы. Стелет постель для Алессандро на мамином диване, сама же падает в свою кровать. Она слишком вымотана, поэтому проваливается в сон за считанные секунды. Чего не скажешь о Манфьоветти, который до рассвета сидел на кухне, все не решаясь зажечь последнюю сигарету...

Утро 12 сентября.

День начался не с кофе, не со слов «Соколова, вставай немедленно», не с будильника и даже не с ругани соседей. Соколову разбудил телефонный звонок.

Она едва разлепила глаза, верхние веки которых немного отекли, и потянулась за своим смартфоном. Спальные места находились друг напротив друга, поэтому девушка могла лицезреть, как Алессандро читал Булгакова, сидя на диване.

— Какого хрена? — Дарья издала страдальческий стон.

На дисплее высветилось, уже легендарное, «Дима, муж мамы». Часы в правом углу экрана гласили, что на сей момент только половина седьмого.

— Это отчим, — в сознании Дарьи пролетело множество тревожных мыслей, лишь одна из которых: «что-то произошло с мамой?».

— Поставь на громкую связь, — просит Алессандро за секунду, прежде чем обеспокоенный голос Дмитрия начинает разлетаться в пространстве спальни.

Не ошибка

Человек боится смерти, но в то же время его к ней влечёт. Она не перестаёт быть продуктом потребления, как в реальном мире, так и в художественном.

Это одно из событий в нашей жизни, от которого не сбежать.

(Осаму Дазай «Великий из бродячих псов»)

— Яна умерла, — тихий голос Русецкого вырывается из динамиков. Яркие лучи солнца больно бьют по глазам сквозь шторы. — Мне только что звонили из больницы. — На лице Соколовой, кажется, за секунду отразился весь спектр эмоций: от удивления, до страха.

— Что? Как? Может, это ошибка? — бросает взгляд на Алессандро, но тот лишь сочувственно поджимает губы. *Он знал.* Знал, что Яна умрет, что не сможет всего этого вынести. Прекрасно осознавал, что тогда, в больнице, видел эту женщину живой в последний раз.

— Нет. Не ошибка. Сердце не выдержало. Врачи проводили реанимационные действия, половину часа по нормативу. Ни черта.

«Не ошибка» — слова отчима врезаются раскаленным лезвием в мозг.

Девушка быстро сбрасывает его вызов и начинает набирать чей-то номер.

«Не ошибка» — снова и снова, точно эхом, разлетается в сознании эта фраза.

— Кому звонишь? — Алессандро отложил книгу и устроился на краю дивана, но его игнорируют.

— Алло? Здравствуйте, можете, пожалуйста, подсказать информацию по состоянию Русецкой Яны Сергеевны? — на этот раз громкая связь была отключена, поэтому Манфьолетти оставалось только угадывать по мимике Дарьи, ошибка это, или нет.

Хотя и так было понятно, что никакая это не ошибка...

— Остановка сердца?.. — отсутствующий взгляд уже был направлен не на Манфьолетти, а куда-то в потрепанный линолеум. — Понятно. Спасибо, до свидания... — рука, словно держа несколько кирпичей, а не маленький телефон, тяжелым грузом падает на матрас. Вызов приходится завершать девушке на том конце провода самой, потому что Дарья так и оставила ее висеть на линии.

— Брать билеты в Москву? — осторожно интересуется Манфьолетти. В ответ лишь тишина. — Я пойду, сделаю нам кофе. Ты пока собирайся, — быстро удаляется на кухню, ставит медную турку на газовую плиту, а в серванте находит молотую арабику. Четыре чайных ложки зерен заливает питьевой водой. Пока та греется, отходит к подоконнику и открывает окно настежь. Доставая глянцевою картонную коробку, Алессандро обнаруживает внутри пустоту.

Точно, вчера же он все-таки закурил.

Сигареты закончились, Русецкая умерла по вине его отца, а он сидит в питерской однушке, в забытом богом месте и делает кофе восемнадцатилетней девочке, чью задницу спас от тетеньки с косой уже дважды. Куда его занесла жизнь?

Кофейный аромат разлетается по всей кухне, пока Алессандро судорожно пытается найти чашки. Неожиданно слышится шипение и горелый запах.

— Вот же дерьмо! — кофе сбежал. Не весь, конечно, но большая его часть осталась на белой плите. Теперь, мужчине предстоит отмывать и ее.

— У тебя есть еще родственники? Кроме отца и Русецкого, — Алессандро, не торопясь, заходит в спальню, оставляя кружки на подоконнике. Соколова осталась сидеть на месте, разглядывая старое фото своей матери на полке стеллажа.

— Бабушка умерла, когда мне было три. Дедушка скончался до моего рождения, сестер или братьев у мамы не было. Родственников отца не знаю. Так что вряд ли, — ровный, спокойный тон. Абсолютно никаких слез и истерик, что весьма удивительно. Особенно для Алессандро, чьи глаза повидали не одну сотню реакций родственников умерших.

— Не хочешь его найти? — он вскидывает брови, параллельно доставая из кармана смартфон, чтобы найти билеты на авиарейс.

— Зачем он мне? Что я ему скажу? Дам пощечину? Обматерю? — мрачная усмешка. — Прошу вас, давайте закроем эту тему.

Мужчина хмыкнул, делая глоток уже немного остывшего напитка. «Вкус жизни. Да, кофе действительно вызывает зависимость» — Манфьолетти просуществовал без кофеина почти двое суток. Его начинало немного ломать: и без того низкое давление становилось еще ниже, спать хочется больше, голова болит сильнее, а сам человек становится раздражительнее. Хотел бросить, чтобы восстановить режим сна, но Соколова, вечно пьющая кофе у него на глазах, мотивировала на срыв.

— Почему не плачешь? — девушка непонимающе склонила голову к правому плечу. — У тебя умерла мать, как-никак. Вполне достойный повод для грусти.

— Во сколько у нас вылет?

— Переводишь тему, — Манфьолетти убрал чашку обратно на подоконник. — Хотя, уж мне-то тебя не понимать...

— Да что вы понимаете? — тихий выдох, за секунду, прежде чем телефон резко полетит в подушку. — Что *вы* понимаете? Нет, объясните мне.

— Моей матери тоже не было на нашей свадьбе, если не заметила. И не забывайся, я «старше тебя на десяток лет», или как ты там говорила. Думаю, я понимаю в этой жизни явно побольше тебя. — В ответ Соколова лишь опускает глаза в пол. Действительно: нынешние обстоятельства окончательно заставили ее забыть, кем сейчас является ее собеседник. — Собирайся, вылет через сорок минут. Я закажу такси.

Москва.

— Она действительно умерла? — первые слова Дарьи, обращенные к отчиму, когда та, наконец, разыскивает его глазами в толпе. Но Дмитрий только огорченно кивает. — Я не могу в это поверить...

— Я тоже, — прискорбный выдох теряется в шуме аэропорта, в то время как они втроем выходят из помещения.

— Нападавшего еще не нашли? — Алессандро, как всегда не вовремя, начинает лезть со своими допросами. Но пожилой мужчина отрицательно качает головой.

— Я надеялся, что вы нам поможете.

— Извините, это дело рук русской мафии. А я, к этим ребятам, не очень хочу соваться, — Манфьолетти задумался. — Удалось выяснить только личность заказчика. Точнее, заказчика и его посредника. Но, второй уже устранен.

— А первый?

— В процессе.

— Значит, похороны состоятся четырнадцатого числа? — Алессандро подносит к губам чашку, почти до краев заполненную иван-чаем. Они уже добрались до московского дома Соколовой и на данный момент отдыхали в гостиной.

— Да. Отпевать, и хоронить будем в Петербурге. Только вот, я совсем не знаю ее родственников...

— Их и нет, — неожиданно отзывается хриплый и мрачный голос девушки. — Все мертвы. Близких знакомых тоже нет. Кроме Светы, у нее не было подруг. — В комнате повисло напрягающее молчание.

Соколова внезапно сорвалась с дивана и быстро ушла к себе в комнату, после чего и Алессандро оставил кружку на кофейном столике, покидая кресло.

— Дмитрий, будьте осторожны. На вашу семью открыли охоту. Я вам не говорил, но... на Дарью тоже уже совершали нападение, восемь дней назад. И эти покушения связаны. Заказчик один, хотя и исполнители разные. Однако, русские мне не по зубам — я вам ничем не смогу помочь, — он разворачивается и неторопливо выходит в коридор. Позже, были слышны глухие шаги по лестнице.

Входит в комнату Соколовой без стука. Впрочем, ничего нового: все как обычно.

— Миленько. — Девушка вздрагивает, но не оборачивается. Продолжает сидеть на подоконнике, глядя в окно.

«Все почти как в тот вечер, 28 августа» — зачем-то замечает в мыслях Алессандро.

Оливковые обои, темно-зеленые, почти черные, шторы, двуспальная белая кровать из всеми известной «Икеи». На полу мягкий пушистый ковер, а стены украшают постеры с музыкальными группами (куда же без «Arctic Monkeys») и...

— Картины? — много картин. Манфьолетти оказывается у одного из полотен, сканируя его взглядом: морской пейзаж — практически классика. Закат, на горизонте горы, а в воде, наравне с отражением солнечных лучей, плывут кораблики. Снизу инициалы Соколовой. — Ты рисуешь?

— Вы так удивляетесь, будто не знали, — она соскальзывает на пол, чтобы подойти к Алессандро, но изображение перед глазами внезапно начинает плыть. Едва успевает схватиться за край подоконника, чтобы не улететь на дорожную паркетную доску. В ушах звенит, перед ней все начинает затягиваться черной пеленой, тело не слушается — словно налито свинцом. Прислоняется спиной к батарее, прежде чем окончательно потерять связь с внешним миром.

Приходит в себя, когда за окном уже потемнело. Лежит на своей кровати, накрытая пледом. Поворачивает голову влево, замечая Манфьолетти. Тот вальяжно устроился в кресле, вновь читая Булгакова. Дарья скоро будет ненавидеть «Мастера и Маргариту» только потому, что данный роман смог понравиться такому, как Алессандро.

— Очухалась? — резко и весьма грубо задает вопрос, качая в руках рокс, наполненный алкоголем. Жидкий янтарь обволакивает стекло, переливаясь из стороны в сторону, пока сосуд не опустошается залпом. — Ну что, дальше будешь голодать?

— Вот же черт, — девушка досадно выдохнула, поднимаясь в кровати. Она смогла убедить своего отчима в том, что находится в ремиссии. Однако если он узнает про этот обморок...

— Ты совсем, что ли дурочка или прикидываешься? — одним движением захлопывает книгу в твердом переплете и откладывает ее на подлокотник. — Четыре месяца! Четыре. И это — в лучшем случае! — Рокс со звонким стуком опускается на пол. — Если верить

Мазарини, то твои похороны, при нынешнем-то состоянии, организовываем уже в октябре, — слова оседают на барабанные перепонки, точно плевок на тротуар. — Контракт у нас на год, заметь. Не хочешь подумать о сохранности жизни своего отчима?

Соколова тяжелым грузом падает обратно на кровать, не подавая никаких признаков жизни.

— Эй, ты меня слушаешь? — молчание. Алессандро настороженно стягивает очки со своей переносицы и поднимается на ноги. — Ты в сознании?

— Пристрелите меня, — глаза, окаймленные рыжими, практически красными ресницами, распахиваются и безжизненно смотрят в натяжной потолок.

— Я тебе на идиота похож, или что? — Алессандро наигранно, а может, даже с легкими нотками истерики, рассмеялся. — Да иди ты. Тупая, конченная, недалекая дура.

Хлопает дверью. Но не громко. Наверное, не хочет, чтобы Русецкий услышал ссору.

14 сентября

Вчерашний день прошел как в тумане. Алессандро пытался заставить Соколову что-нибудь съесть, однако его попытки не увенчались успехом. Достижением уже являлось то, что она стала добавлять в кофе молоко. Обычное, коровье молоко. Не растительное и не обезжиренное.

Этим утром Дарья проснулась в шесть, от уже успевшего стать привычным «Соколова, вставай немедленно» и поплелась в душ. Но, если честно, ей хотелось всех послать, зарыться в подушках и пролежать мертвым камнем еще месяц. Полностью отсутствовало какое-либо желание идти на эти треклятые похороны. Собственно, как и желание жить эту жизнь.

Этой ночью ее пробило на слезы. К ней пришло полное понимание происходящего: она смогла осознать то, что ее мама скончалась. Манфьолетти, лежащий рядом и тоже не спящий, слышал девичьи всхлипы, но предпочел сделать вид, будто он глухонемой, парализованный, и спит непробудным сном.

Из душа прямиком в гардеробную. В этот день у нее будет полное право облачиться в черную одежду. Насмешки учителей, вроде: «у тебя траур?» — больше не шутки.

В аэропорту Соколова нацепила на себя солнечные очки, потому что не могла больше сдерживать слезы. Плакала бесшумно, никто даже и не догадался бы, не шмыгая, она носом. Алессандро, на удивление, всю дорогу молчал.

Из Пулково, в котором Дарья даже не посмотрела в сторону своего любимого Старбакса, сразу же вызвали такси и отправились к храму.

«Воскресенский Смольный собор, — она хмыкнула в мыслях. — Так... пафосно»

Но тело Яны, на тот момент, туда уже доставили.

«Надо же, прожила в Петербурге пятнадцать лет и впервые в него захожу. Проект самого Франческо Растрелли» — в голове совершенно некстати всплыли воспоминания из курса истории искусств. Явно не о том ей сейчас следовало думать.

Когда подъезжают к месту, замечают катафалк. Девушка извлекает из сумки черный платок и покрывает им голову, прежде чем выйти из такси. Алессандро так и остается абсолютно холодным и равнодушным. Возможно, происходящее тормозит не очень приятные воспоминания в его памяти, но вида не подает. Казалось, что ему безразлична вся эта ситуация. Хотя, почему же «казалось»? Наверняка, так и есть на самом деле.

— Здравствуйте, — Русецкий первый покинул автомобиль и уже направился в храм.

— Доброе утро, — пожилая женщина встретила его на входе. Подождав Алессандро и

Дарью, они вместе направились внутрь.

«Ни черта не доброе»

Выбеленные стены, высокие потолки, чудесные колонны с фигурными капителями и барельефами. Проходят несколько помещений и попадают в огромный зал. В центре него находится раскрытый гроб, внутри которого покоится Яна. Прямо над ней подвешена люстра с множеством подсвечников, содержащих в себе свечи. Их фитили подожгли прямо у них на глазах, и, потянув за цепь, подняли люстру под потолок.

Дмитрий стоял над телом покойной жены, едва сдерживая слезы. Только сейчас Соколова смогла, хотя бы немного, поверить в их любовь.

Стук каблуков разлетается эхом по воздуху. Девушка, зажмурившись, медленно подходит к покойнице. Страшно. Очень страшно. Про себя считает до трех и распахивает глаза. Бледное лицо, синие губы, на тело нацепили белые тряпки, а руки, держащие крест, покоятся на груди. Ощущение, будто Яна лишь спит.

— Мама, — тихий шепот. По щекам покатались слезы, благо, красные глаза прикрывали черные линзы очков. Зажимает рот ладонью, лишь бы не завывать в голос. Дарья в этот момент готова была на все: даже упасть на колени перед гробом или лечь в могилу рядом с матерью.

Почему всякие ублюдки живут до старости? Почему женщина, честно живущая всю чертову жизнь, и имевшая характер божьего одуванчика, умирает за год до сорокалетия? Никто и никогда не озвучит ответа на этот вопрос.

«Это я виновата. — Ноги ватные, лицо все мокрое. Паническая атака начинает с огромной силой сжимать горло. — Если бы я тогда не приняла наркотики, ничего бы этого не случилось»

Неожиданно, даже для Алессандро, он привлекает Дарью к себе, прижимая за плечо. От этого еще страшнее и непонятнее.

«Что вообще происходит?»

— Успокойся, все будет нормально, — тихий шепот где-то над ухом. Настолько тихий, что даже сама Соколова едва ли смогла его расслышать и правильно понять.

«Да что, просто *что*, будет нормально? Что в моей жизни может стать нормальным?»

Пожилая женщина, встретившая их на входе, поджигает свечи на алтаре и по четырем сторонам от гроба. Далее в зал заходит священник. В руки каждому попадает по свече, которую поджигают от пламени свеч на алтаре, и начинается молитва...

Три человека. На похороны этой прекрасной, добрейшей женщины пришло всего лишь три человека. Русецкий, после рассказа Манфьолетти, принял решение уволить Светлану. Поэтому, она не решилась соваться на похороны, хотя и хотела. Ей было искренне жаль.

Соколова выпала из реальности. Устремила взгляд на тлеющий фитиль восковой свечи в руках и забылась. Опомнилась только спустя пару десятков минут и треть свечи.

— Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй, — высокий женский голос ударяет в голову и режет уши, хотя и звучал поистине прекрасно. Жаль, главная героиня не в состоянии оценить его сполна.

— Еще молимся о успокоении души усопшия рабы Божья, Яны, и о еже проститися ей... — услышав мужской голос опять выпала в свой мир.

«Да этому священнику все равно же... Получит свои двадцать кусков и забудет. Он видел таких — тысячи»

Капля воска медленно стекает по свече, замерев.

Русецкий принялся креститься. Она же креститься не будет — атеистка. Все происходящее было отвратительным. Вокруг гроба ходит поп, раскачивая кадилом с благовониями, от которых можно задохнуться, а тебе хочется упасть от бессилия на пол. За эти сорок минут в мыслях раз десять промелькнуло: «сожгите мои останки после смерти, молю».

— Теперь, по желанию, подходим к покойному и прощаемся. Целуем ленточку на лбу и крестик в руках. Свечи ставим в подсвечники, — священник указывает рукой на алтарь.

Первой идет Соколова. Наклоняется к лицу матери, придерживая очки, чтобы те не упали. Глотая ком в горле, целует ленту, затем крест. Застывает над женщиной на пару секунд. Хочется залезть в гроб, прижаться к Яне и попросить Манфьолетти, чтобы тот закопал их вместе.

Вторым подходит Русецкий. Смотрит на безжизненное тело и опущенные веки, вероятно, в надежде, что они поднимутся. Прикладывает пальцы к своей переносице и отходит. Не может. Просто *не может*.

— Прощаемся на кладбище, затем опускаем гроб в яму, каждый трижды кидает горсть на крышку гроба и закапываем. Еще, заберете эту лампадку. Поджигаем на могиле, — вкладывает ее в руки Соколовой. — Приходите на могилу — поджигаете. Уходите — тушите и забираете с собой. Всем добра и сил, — развернувшись, ушел. Просто взял и так легко ушел.

Ноги уже не держали, а лампадку она отдала отчиму, опасаясь ее разбить.

Вышли из храма, сели в катафалк. Через несколько минут оказались на кладбище. Могильщики выгрузили гроб на несколько табуретов подле уже установленного памятника и отдалились. Дарья не захотела больше трепать себе нервы и пожелала тоже остаться стоять в сторонке, но вот Дмитрия было не оторвать от покойной.

На вопрос «все ли попрощались?» Русецкий кивнул.

С грохотом захлопнули крышку и опустили гроб в яму. Соколова кинула три горстки земли, будто совершенно не замечая важный песок под ногтями. Затем Русецкий, и только потом — Алессандро.

Копачи приступили активно сбрасывать лопатами землю в яму. Минут через десять они уже уехали. Лампадку поставили на холм, образованный землей, рядом оставили цветы. Вызванное такси уже подъехало. Русецкий направился в Пулковое, но вот Даша решила еще побыть в Питере. Да и Алессандро против не был — Санкт-Петербург явно красивее Москвы.

Добравшись до старой квартиры, у Соколовой хватает сил лишь на то, чтобы принять душ и упасть на кровать, забывшись сном. По-крайней мере, сама девушка так думала. Однако когда та действительно оказалась в постели, сонливость напрочь куда-то улетучилась, а к ней на смену пришла тревога. Дарья, пожалев, что, даже все еще имея на руках рецепт от психиатра, не купила транквилизаторы, сверлила потолок глазами до рассвета.

За эту бессонную ночь Соколовой пришла довольно бредовая, на ее взгляд, мысль, что ей холодно и непривычно спать одной.

15 сентября.

— Я нашел его! — воскликнул Алессандро, поднимая голову от монитора ноутбука. Сейчас они сидели все в той же хрущевке, в спальне: Манфьолетти — на диване, Соколова

— на своей кровати.

— Кого? — она удивленно вскидывает брови.

— Соколов Валерий Владиславович. Родился 6 июля, 1981 года. Настоящее место жительства: город Краснодар, микрорайон Черемушки, улица...

Девушка содрогнулась, будто ее ударило током. И явно не из-за положительных мыслей.

— Стойте. Он переехал в Краснодар?

— Видимо, да, — Алессандро задумался. — Не желаешь скататься на юг?

— Я не знаю.

— Он последний твой кровный родственник, — Алессандро медленно закрыл крышку новенького макбука, всматриваясь в лицо Дарьи. — Да жалеть же будешь, если хотя бы не увидишь, — продолжал капать на мозги, пытаюсь вызвать в ней чувство вины и пробудить уснувшую совесть.

— Вы просто хотите съездить в Краснодар, вот и все, — бросила девушка и снова устремила свой взгляд в телефон.

— Ой, да зачем я вообще тебя спрашивал... Сказал: «поедем», значит поедем, — вновь открыл компьютер. — Сейчас билеты найду.

16 сентября.

Билеты нашлись лишь на ночь (или уже утро?) с шестнадцатого на семнадцатое число. К трем они уже должны быть в Пулково, а в половину четвертого перелет. Сейчас только шесть, но спать хочется нещадно.

Алессандро посчитал гениальным решением в данной ситуации сварить кофе. Есть одно «но» — он так и не научился его варить.

— Я очень извиняюсь, но, позвольте мне? — Соколова, болезненно морщась от сего зрелища, забирает турку из его рук. Напиток вновь с шипением убежал на плиту, пока Алессандро снова отвлекся на треклятого Булгакова.

— Да ради Бога, — тот радостно выдыхает и отправляется с книгой на стул.

Наступает молчание. Слышно, как мужчина переворачивает страницу, а Дарья выключает плиту и переливает кофе в чашки.

— Я не знаю, что скажу ему, — аккуратно ставит кружку перед Алессандро, после чего берет свою и усаживается на стул напротив.

— Я уверен, он тоже не знает, что тебе сказать. — Тяжелый вздох на этот раз слетает с губ девушки. Перелет за перелетом, каждый день в новом городе... Ей бы чрезвычайно сильно хотелось сбавить этот бешеный темп, но, к сожалению, это не возможно. Не в этой ситуации. Не сейчас.

— У него... есть жена? Или дети? — сделала глоток. Слишком горько.

«Сколько зерен он сюда насыпал? Половину пачки?»

— Без понятия, этой информации не было. Поедем и узнаем. — Дарья горько хмыкнула. В такой же степени горько, каковым являлся кофе, что она в эту секунду пила.

Краснодар, 17 сентября.

Выходят из аэропорта. На часах уже пятнадцать минут восьмого, значит, троллейбусы должны ходить. Алессандро настаивал на том, чтобы не снимать номер в отеле, а сразу после визита к отцу вернуться в Италию. Хотя бы в этом Соколова была полностью с ним согласна.

Подходят к остановке. Манфьолетти пытается уговорить девушку на то, чтобы взять такси, но в итоге вышли на компромисс. Вызвали такси и стали ждать троллейбус — что раньше приедет, то и используем (делаем вид, что нам нисколько не жаль таксиста).

— Я правильно понял: ты предлагаешь нам проехать в этой толкучке, семнадцать, мать их, остановок? — прямо перед ними остановился старенький троллейбус, с грохотом распахнув свои двери.

— Это семерка — наш, — девушка выпустила выходящих людей и проскользнула внутрь транспорта.

— Вот же черт, — страдальчески простонал Алессандро, но последовал за ней.

В сентябрьском Краснодаре еще жарко. Даже очень. Троллейбус, естественно, без кондиционеров, а старушкам, сидящим подле окон, вечно холодно и дует. Так что поездка предстоит в духоте и толпе.

— Да это же скотовозка, — Алессандро перешел на итальянский, чтобы их не поняли другие люди. — Тебе еще не плохо?

— Я в таких пятнадцать лет своей жизни прокаталась. Ничего, жива, — в ответ усмехнулась Соколова.

Пару раз Дарью впечатывало в рядом стоящих людей, когда троллейбус резко тормозил или же наоборот — трогался с места. Из-за бессилия ее кидало по салону из стороны в сторону и чтобы устоять на ногах Соколовой приходилось прикладывать невероятные усилия. Однажды, во время очередной остановки, она даже налетела на Алессандро, чьи руки придержали ее за плечо, не позволяя полететь дальше, на другого пассажира. В ответ он лишь хмыкнул мрачное «а я говорил».

Наконец из динамиков прозвучало «следующая остановка: улица Полины Осипенко», а некоторые пассажиры принялись продвигаться к выходу.

— Мы на следующей.

Прождав несколько часов в кафе (ибо заваливаться в чей-то дом в половину девятого было бы немного не этичным), они включили навигатор и отправились на поиски нынешнего дома Валерия.

— Значит, не разбогател, — Дарья разочарованно улыбнулась, когда гугл-карты завели их во двор хрущевок. Алессандро, не найдя в своей голове адекватного ответа, решил промолчать.

В тишине заходят в старый подъезд и поднимаются на второй этаж, подходя к заветной (или не очень?) двери.

— Квартира под номером пять... Должно быть, эта, — он проходит вперед, оставляя Соколову за спиной, и жмёт на пару секунд тумблер звонка. Тишина. Вновь жмёт его, на этот раз секунд на пятнадцать. Наконец, дверь открывает мужчина.

«Классический вид алкаша» — подумалось Алессандро.

— Вы кто? — выпивший, но еще не пьяный. Он только что вывалился из своей квартиры и смотрел на Алессандро недоумевающим взглядом, будто... (знаю, неуклюжее сравнение) только секунду назад свалился с Луны. Дарья попятилась назад, но Манфьолетти остановил ее, схватив за запястье.

— Вы — Валерий Соколов? — ровный, холодный и безучастный тон. Ей в этот момент подумалось, что, наверное, именно так он разговаривает со своими жертвами перед их кончиной.

— Ну, я, а что с того? — он вышел в подъезд и захлопнул за собой дверь. — Мужик, ты кто такой?

— Пройдемте внутрь, негоже гостей на пороге держать, — в голосе Алессандро прокрадывались агрессивные нотки. Если бы он не знал, что этот алкаш — отец Соколовой, уже достал бы пушку.

«Почему только одного лишь родство этого выродка с ней меня останавливает?»

— Никуда ты не пойдешь. Проваливай туда, откуда пришел. — Главный герой все же не удержался: отодвинул край плаща (ой, кто бы сомневался, что он его наденет даже в жару) и показал Валерию пистолет. Отец Соколовой нервно сглотнул слюну, освобождая проход в свое жилище.

— Валер, это кто? — к ним вышла (хотя, скорее — выползла) пьяная в хлам женщина. Потрепанный халат на молнии, русые волосы — грязные и спутанные, а лицо все в отеках и покрасневшее. Квартира пропиталась запахом грязи и болезни, из комнаты доносился детский плач.

— Галь, иди в комнату, — первые слова Валерия, когда он ее увидел.

— Я не поняла. Это кто такой? — женщина едва стояла на ногах, но орала так, что закладывало уши. — Это кто такой?!

— Галь, ну не начинай...

— Как это — «не начинай»?.. Что это за мужик? А что за шмара с ним?! — пальцы Алессандро сильнее сжались на запястье Дарьи. Сжались настолько сильно, что девушка едва сдержалась от шипения по причине боли.

— Я дочь Валерия, — девушка шагнула вперед, хотя ноги были ватными и подгибались. В этот момент вновь заплакал ребенок. Осторожно выбравшись из хватки Алессандро, она направилась на звук. Женщина, которая по всей сути, приходилась матерью этого ребенка, ошарашено проводила ее взглядом.

— Как это — дочь? — она осела на пол. — Ты мне изменил?

— Дура! Это от первого брака! — Алессандро их пьяный бред уже не слушал.

Обойдя Валерия и едва не споткнувшись о пустые бутылки, зашел в спальню. Первое, что удостаивается его внимания — детская кроватка, от которой и исходил этот истощный вопль. Второе — мальчик, лет двенадцати, забившийся в угол и обнявший себя руками. На лице синяки, губа разбита. Соколова, наверняка, уже успела порадоваться тому, что Валерий бросил ее мать.

— Алессандро, подойдите сюда, — просит Соколова, кивая на маленькую девочку. — Либо у меня руки холодные, либо...

— У нее жар, — обрывая девушку, заключает он.

— Так, ладно, вызывайте «скорую»... Ее брат говорит, что она так плачет со вчерашнего утра, — Дарья разворачивается и присаживается на корточки около мальчика. Затем, достает из кармана джинсов несколько купюр и сует ему в руки. — Только не отдавай родителям. Это тебе и твоей сестре.

После этого, Дарья и Алессандро спешно покидают эту проклятую квартиру, направляясь в аэропорт. На этот раз — на такси.

Хватит с них на сегодня приключений.

Затишье перед бурей

Всегда выигрывает тот, кто делает первый ход.

(Мори Огай «Великий из бродячих псов»)

Марсала, 19 сентября.

Вчерашний день полностью ушел на перелеты. В Марсалу они вернулись только в четвертом часу утра. Сейчас Соколова бесшумно выходит из ванной. Сама не знает, почему «бесшумно», хотя полностью уверена, что Алессандро у себя в кабинете: за неделю их отсутствия у Манфьолетти наверняка накопилась гора неотложной работы.

Заходя в комнату, ложится на кровать поверх одеяла, и закрывает глаза.

«До сих пор не знаю, хотела ли этого»

— Представляешь! Джованни и Стеф... — Алессандро, только что влетевший в комнату, запнулся. Соколова же, совершенно того не ожидая, нервно подскочила с матраса. — Не понял. Ты чего сделала с собой?

Он оглядел ее ошарашенным взглядом, едва ли не присвистывая, пока девушка была уже на полном серьезе готова сигануть в окно. Она не знала, какой реакции ожидать от Алессандро. «Наорет? Заставит бриться на лысо? Придушит? Вновь лишит связи?» — ужасные версии дальнейшего развития их разговора пугающе гремели в голове Дарьи.

— Постриглась и покрасила волосы, — осипший голос вырвался из ее горла чуть ли не хрипом.

— Да я вижу. А зачем?

— Изменений захотелось, — все также тихо отзывается она. Алессандро все еще молчит. А что сказать? Рыжие длинные волосы стали черными, и концы теперь едва достигали подбородка, а высокий лоб закрывала челка.

Его губы исказила мрачная улыбка, но он промолчал. Лишь несколько раз подряд моргнул глазами, чтобы понять, что вообще происходит и не почудилось ли ему это все.

— «Изменений» — он как-то нехорошо усмехнулся. — Ладно, зачем я пришел?..

— Вы что-то говорили про Джованни и...

— Точно! — Манфьолетти заново оживился. Будто забыл о неловкой ситуации, произошедшей буквально несколько секунд назад. — Представляешь, они женятся. Завтра свадьба, нас приглашают.

— Я лучше дома останусь... — испуганный взгляд сменился поникшим.

— Это не обсуждается. Раз иду я, значит, ты тоже. Только на этот раз держись подальше от всяких психов, — он рассмеялся и покинул комнату, бурча себе под нос в своей манере что-то вроде: — Изменений ей захотелось...

20 сентября.

Композиции Вивальди, розовое игристое течет рекой, столы ломаются от закусок, а молодожены целуются под восклицательные слова гостей, из разряда «горько».

Мероприятие на удивление проходит спокойно. Без перестрелок, драк и убийств. Манфьолетти и Соколова вышли на балкон, подышать свежим воздухом, ибо терпеть духоту с каждым мгновением становилось невыносимее.

Алессандро, отодвинув край плаща (да, он вновь в нем) и достав из кармана вельветовых брюк пачку сигарет, закурил. Попав в Москву, он первым делом купил очередную коробочку

палочек с ядом, иначе из-за ломки практически переставал быть человеком. Без никотина его раздражало буквально все: он срывался на крик из-за любой мелочи. Поэтому, на упаковке производства Marlboro сейчас красовалась русская надпись «курение убивает».

Будто бы она его волнует.

Дарья обернулась на стеклянные двери, отделявшие их от шума общества. Медленная композиция сменилась энергичной, и теперь все люди в зале стали двигаться активнее. Но, как она успела заметить — Манфьолетти тоже был не особо счастлив, оказавшись в этом муравейнике.

— Можно задать вопрос? — девушка вплотную подошла спиной к перилам и, облокотившись о них, стала рассматривать барельефы на стенах здания.

— Давай.

— Зачем вы меня заставили идти с собой? — мужчина тоже повернулся затылком ко двору и уставился на гостей, чьи силуэты быстро мелькали за стеклом дверей.

— Стефания искренне желала тебя видеть, — сделал очередную затяжку и запрокинул голову так, чтобы видеть звезды. — Да и один я бы умер со скуки.

— Ой, будто бы я такая интересная компания...

— Явно будешь поинтереснее, чем многие из них, — Алессандро рассмеялся и кивнул на вход в зал. Соколова лишь хмыкнула, одернув вниз бордовую ткань платья хотя подол и без того едва открывал ее щиколотки. — Близится полночь, пойдем, прогуляемся.

Затушив окурок прямо на мраморной плитке, он вышел духоту, ища взглядом Джованни. Наконец, отыскав своего консьюлиери, быстрым шагом направляется к нему и о чем-то сообщает. Затем уходит на лестницу. Соколовой оставалось только спешно следовать за ним.

— Какая же ты медленная, — Манфьолетти все-таки останавливается, достигнув фигурного ограждения участка.

— Серьезно? Я думала, что вы хотя бы подождете меня! — В ответ прилетело абсолютное безмолвие. Открыл калитку, прошел вперед, даже секунды не подержав для главной героини тяжелую дверь из металлических прутьев.

Они сейчас на отшибе Марсалы. Тишина, пение сверчков в кустах и назойливые комары. Настолько тихо, что слышны их глухие шаги, отдающиеся негромким стуком подошвы об асфальт и равномерное дыхание. Изредка — шум мимо проезжающих машин. Эта ночь весьма теплая. Все слишком хорошо и спокойно. Настолько, что эта умиротворенность даже подозрительная и в своем роде... пугающая.

«Затишье перед бурей» — подумалось Дарье.

В кармане Алессандро завибрировал смартфон, извещая его о получении нового уведомления.

«Дон Манфьолетти, будьте осторожнее» — гласило сообщение от Себастьяна. Алессандро резко остановился.

Быстро печатает в ответ: «Ты о чем?»

«Среди гостей обнаружен один неприглашенный. Николай Зайцев»

— Вот же дерьмо! — судорожно набирает номер Джованни и бежит обратно, к месту церемонии. Они отошли на достаточно большое расстояние, из-за чего дорога обратно заняла бы минут двадцать (и то, это как минимум). Дарье остается только следовать за ним.

Почти дошли. Издалека наблюдает, как черные силуэты Джованни и Стефании усаживаются в автомобиль. Он пытается до них докричаться, пытается дозвониться Конте, но...

Ни черта.

Алессандро не успел. Машина практически подлетела в воздух, прямо у них на глазах. Языки пламени и черный ядовитый дым окутали собой все, что находилось поблизости.

— Пиздец, — лишь выдохнул Манфьолетти, и устало уселся на бордюр, роняя голову в ладони. — Какой же, блять, это пиздец...

— Кто такой Николай? — задала вопрос Дарья, когда они оказались в своей спальне. Благо, их подвёз Себастьян, иначе к дому главные герои добрались бы только к утру. И то, не факт.

— Николай и Фёдор Зайцевы... Они братья, — Алессандро замолчал. — И они убили мою мать, — слова слетали с его губ таким будничным тоном, будто потеря родной матери для него вовсе ничего не значит. — Федор мертв, уже как десять лет. Вот, теперь его старший брат мстит за него, — Алессандро ядовито усмехнулся, а взгляд его сделался сонным. Открыл окно, достал все те же сигареты, закурил.

— Мстит? А вы-то тут причем? — Соколова опустила на кровать, стягивая со своих ног туфли. Она сто раз уже пожалела, что завела этот разговор, но и остановиться уже была не в силах. Девушка раздраженно шмыгает носом, когда замечает кровь на пятке, уже успевшую впитаться в кожу обуви. Еще бы Даша не натерла себе мозоли, учитывая, сколько она за сегодняшнюю ночь прошла...

— Я убил Федора. Сделал себе подарок на восемнадцатилетие, — небрежно затушил никотиновую палочку о стеклянную пепельницу и отправил ее к другим, выкуренным почти до фильтра, сигаретам. — Он был первым, кого я убил, — эта фраза была озвучена уже шепотом, едва ли ее кто-нибудь смог бы услышать. Но девушка услышала.

И Алессандро покинул комнату. Вновь оставляет ее одну, или... Хочет, чтобы *его* оставили одного?

21 сентября.

— Держи рукоятку покрепче, он заряжен крупным калибром, — Соколова сильнее сжала оружие пальцами. — Да, так ты только запястья повредишь, — презрительно вздыхая, накладывает свои ладони поверх рук Дарьи, поправляя ее хватку. — Легким движением взводим курок, прицеливаемся, и-и-и... — она отшатывается из-за отдачи пистолета, врезаясь спиной в Манфьолетти. Раздается хлопок. Пуля попала почти в цель: до центра мишени оставался буквально сантиметр.

— Ну... неплохо. Но ты будешь это отрабатывать, пока самостоятельно не попадешь в точку, — скептически просканировал ее глазами. — Или, пока не упадешь в обморок. Второе, в твоём случае, вероятнее.

Девушка едва стояла на ногах. Она практически ничего не ела уже, которую неделю. Несколько раз даже снова падала в обморок, но каким-то образом скрывала это от Манфьолетти.

— Ладно, подберу тебе позже оружие с более меньшим калибром, — ставит пистолет на предохранитель и протягивает Соколовой. — Пускай будет у тебя. Только, ради бога, не твори глупостей. И не пытайся использовать его против меня.

Она опешила. Он что, ей доверяет... пистолет?

«Серьезно? Просто так дает оружие в свободном доступе? Совсем не боится?»

Утро 22 сентября.

Лидер — глава организации, но также и её раб. Если потребуется для выживания и выгоды организации, он с радостью запачкает себя в грязи. Вращивая своих подчинённых, направляет их туда, где им самое место. А если потребуется, то использует и выкидывает. Ради организации он пойдёт на любые зверства. Вот кто такой лидер. Всё ради организации. И чтобы защитить любимый город.

(Мори Огай «Великий из бродячих псов»)

Дарья просыпается от нехватки воздуха. Ее шею с нечеловеческой силой сжимают чужие руки, вдавливая тело в матрас. Быстро распахивает глаза: над ней навис Себастьян, пристально смотря на ее ресницы и злобно усмехаясь.

Сердце бьется с бешеной скоростью, в голове пролетает миллион мыслей. Сознание с каждой секундой все больше затуманивается, а сил на борьбу становится все меньше. Она попыталась что-то сказать ему, но в итоге получился лишь жалкий писк. В ушах звенит, перед глазами темнеет. А учитывая, что Соколова и без перекрытого кислорода может упасть в обморок в любой момент, то отрубить ее таким образом можно секунд за тридцать. Но, внезапно хватка на горле ослабевает, а после Себастьян и вовсе отшатывается от кровати. На шею Соколовой брызнула теплая жидкость. В ушах звенело настолько сильно, что она даже не услышала выстрел и вскрик новоутвержденного консилиери.

— Ублюдок! Что за херня тут творится? — Алессандро прострелил Себастьяну плечо. И в данной ситуации никакой пистолет и умение стрелять Даше не помог бы: у нее банально не оказалось бы доступа к оружию. — Вали в мой кабинет, быстро! И чтобы без фокусов. — Себастьян чуть ли заскулил от пулевого ранения, в чем Манфьолетти нашел повод для презрительной насмешки. Но, в его голосе и даже этой издевке слышна горечь от предательства. Себастьян... кто бы мог подумать? — Живо!

Девушка садится в кровати и, опираясь об изголовье, запрокидывает голову. Она сейчас даже не замечает боль в позвоночнике и ребрах, когда те, выступая сквозь кожу, врезаются в холодный металл.

— Соколова, — подходит к ней, опускается рядом, на край кровати. Невольно бросает взгляд на красные следы от пальцев и ногтей, оставленные на ее шее. К вечеру, должно быть, проступят чудовищные синяки. — Ты в порядке? Дышишь?

— Все нормально, — борется с кашлем и жадно глотает воздух, но не может себе позволить молчать, поэтому хрипя, выдавливает из себя ответ. Горло накрывает новой волной обжигающей боли.

— Точно? — она положительно кивает головой, но при этом ее начинает бить крупная дрожь. Слава богам, Дарья умела скрывать такое состояние: натянула улыбку на пару секунд, прикусила до боли язык, чтобы не заплакать, а руками обхватила свои предплечья — так почти невозможно распознать тряску ее кистей. — Ну, как знаешь. Если станет плохо — не молчи.

Алессандро тяжело вздыхает, безмолвно покидая комнату, но как только дверь за ним захлопнулась, из глаз девушки проступили неконтролируемые слезы. Уходит. Просто так берет и уходит, не сказав больше ни слова, оставив Соколову один на один со своими страхами.

«Почему? Почему меня снова попытались убить? Что во мне такого особенного, что буквально все подонки видят во мне свою жертву? Почему я просто не умру? Почему я должна терпеть все это дерьмо, прежде чем моя душа упокоится? Почему Себастьян не

задушил меня подушкой — так же намного быстрее?..»

Слишком много «почему».

Плакала он как обычно — максимально тихо, закусив практически до крови губу, чтобы не взвыть. Страшно. Ужасно страшно.

Да и вообще, с какой это стати она сейчас проявляет свои чувства? Обычно Даша в такие моменты просто шла в ванную и резала себе запястья или садилась на неделю голода. Еще вариант — тренироваться до потери сознания. Вот и все.

Какие к черту эмоции?

Однако поток слез мало того, что не собирался останавливаться, так еще и усилился. Паническая атака, которую Соколова успешно все это время избегала, взяла над ней верх. Ледяную плотину безразличия и равнодушия прорвало. Теперь надо вновь искать способ ее построить и заморозить.

(Режим «ноль эмоций» в режиме «выкл.»)

Альфредо находился в городе, поэтому Алессандро решил его вызвать.

Но, после приема Мазарини сказал, что никаких серьезных травм нет и все должно быть в порядке. Максимум, что может позже проявиться: боль в горле и синяки. Вложил в руки Соколовой баночку с экстрактом валерианы в таблетках и посоветовал следовать инструкции. Девушка едва не рассмеялась ему в лицо: будто бы эта несчастная травка чем-то ей поможет. Да черта с два. Даже сильные транквилизаторы, порой с ужасными побочными эффектами, едва ли на нее оказывали хоть какое-то влияние.

Мазарини решил не задерживаться и, сообщив, что у него есть еще несколько вызовов, поспешил покинуть дом Алессандро.

— Ужинать идешь? — Манфьолетти без стука зашел в спальню, когда Соколова лежала на кровати, смотря в потолок. Да, она просто лежала и пялилась в белый потолок, абсолютно ничем собой не примечательный.

«Как хорошо, что в комнате полумрак, и он не видит мое зареванное лицо с опухшими глазами» — наверняка подумалось Дарье.

Девушка пропустила и завтрак, и обед. Впрочем, все как обычно. Вот и сейчас, в ответ на вопрос Алессандро, она лишь отрицательно помотала головой и сильнее натянула на себя одеяло. Он бросил на нее вопросительный и раздраженный взгляд.

— Вставай, пошли есть, — это уже был не вопрос, а весьма настойчивое утверждение, едва граничившее с приказом.

— Можно в другой раз? Горло дерет, — она озвучила фразу посаженным голосом и показала рукой на шею.

— Понятно, — Алессандро хмыкает, усаживаясь на вторую половину кровати и облокачиваясь об изголовье. Похоже, боль в костях от соприкосновения с твердой поверхностью железа его тоже сейчас мало волновала. — Ты мне скажи другое: зачем я спасаю твою задницу от всяких выродков каждый раз, если ты все равно собралась сдохнуть? — Соколова крепче сжала в руке край одеяла и не поворачивала головы в сторону Алессандро, ибо прекрасно знала, что сейчас выражают его глаза.

Мужчина вздыхает, поднимается с матраса и выдвигает ногой из-под кровати механические весы.

— Становись, — указывает Дарье на них, оказываясь около торшера и включая его.

Внутренности жались в комочек, а из-за достаточного освещения теперь можно разглядеть ее испуганный и заплаканный взгляд. — Ну же, чего ждешь? — девушка затаила дыхание, но все же покинула постель и подошла к весам.

— Они не на нуле, — она захотела наклониться и подкрутить колесико, чтобы стрелка показала на пару кило больше, но Манфьолетти остановил ее, схватив за предплечье.

— Они на нуле. Становись.

— Я... я воду недавно пила. Они не точный результат покажут.

— Да встань ты уже на эти чертовы весы и взвесься! Так трудно? — он уже практически орал, поэтому у Соколовой не было другого выхода. Чего она боялась больше? Отвеса? Привеса? Реакции Алессандро? Она не знала.

Когда стрелка останавливается, мужчина горестно выдыхает, массируя виски. Казалось, что в комнате запахло обреченностью.

— Двадцать восемь килограмм. Мы это не переживем... Я это не переживу! — Дарья отшатнулась от весов за секунду до того, как Алессандро пинком отправил их обратно пылиться под кровать. Прибор с грохотом врезался в стену. — Слушай, а я ведь и в дурку могу тебя упечь, когда срок контракта истечет. Хочешь через одиннадцать месяцев оказаться в стационаре дурдома, чтобы тебя насильно откармливали с зонда?

— Я не понимаю: какое вам дело до моего веса? Вот просто какое? Почему все считают правильным и жизненно необходимым докопаться до меня и почитать нотации?.. — она оседает на край матраса, роняя голову в ладони. Горло сводит от боли, поэтому дальше приходится говорить шепотом. — Зачем? Зачем вам это все? Пройдет год и мы все равно больше никогда не встретим... — ее оборвали.

— Да блять, какие к черту нотации? Тебя на нейрорептику посадить, чтобы хоть что-то ела? Нет, я просто не понимаю, как можно быть настолько конченной! — вот теперь он орал, причем весьма громко. И сейчас его понесло настолько, что оры уже были на итальянском языке. Иначе, на русском, от раздражения и гнева он едва ли мог связать два слова.

— Да отстаньте от меня, наконец! Вам же посрать, абсолютно! Так зачем пытаетесь создать иллюзию, будто всерьез переживаете? Вы, правда, думаете, что анорексию можно вылечить банальным «начни нормально есть»? — Даша тоже сейчас на вряд ли смогла бы выдать что-нибудь внятное по-итальянски: на данный момент она забыла все слова и правила из этого языка, а голос ее дрожал. Из глаз вновь проступили слезы, но покинуть пределы глазниц Соколова им не позволила.

Она устала. Боги, как же она устала от всего этого.

— Ну и катись к чертям! Подымай дальше, если так больно хочется, — развернулся и ушел. Сейчас обошелся без глупых хлопков дверью.

Когда они, наконец, смогут нормально поговорить? Хотя бы разочек...

Легли спать они в полном безмолвии, как и всегда. Только сейчас эта тишина тяготила и действовала на нервы: в комнате было слышно дыхание, писк комара, да и в принципе, любой малейший шорох. Молчание их поглощало, затягивая внутрь себя и висая камнем над душой, из-за чего его было необходимо немедленно прервать.

— Вы спите? — Манфьолетти отрицательно покачал головой, но осознав, что в темноте этого не видно, ответил тихое «нет» и принял сидячее положение. — Злитесь на меня?

— Да отбрось это «вы», сколько можно. — Соколова тоже села, на этот раз, подложив себе под спину подушку. — И с чего ты взяла, что я злюсь?

— Вечером вы...

— Вновь «вы», — Алессандро грустно вздохнул. — Ладно, я немного вспыллил, признаю. С кем не бывает? — снова замолчали. Для полноты картины не хватает только пения сверчков. — Не спится?

— Закрываю глаза и вижу перед собой *его*, — на последнем слове голос немного дрогнул, однако едва ли Манфьолетти смог бы это обнаружить.

— Себастьяна? — та закивала. Глаза уже привыкли к отсутствию света, поэтому главные герои прекрасно видели силуэты и движения друг друга.

— Стоит надо мной, смеется и с ухмылкой на губах душит меня дальше.

Алессандро зачем-то нашел на ощупь ее руку и сжал в своей. От неожиданности девушка даже содрогнулась.

Кости, обтянутые сухой из-за авитаминоза кожей, холод, исходящий от ее тела, вздутые венки на тыльной стороне ладони и наверняка посиневшие ногтевые пластины... Их руки были до страха похожи. Отличался только цвет кожи и размер костей.

«Что происходит? Для чего он это делает?» — летало где-то в мыслях Дарьи, путешествуя по сознанию, однако вслух озвучить свой вопрос ей не хватило смелости. Решила оставить контроль над ситуацией в руках Алессандро (в прямом смысле этого слова, черт, как иронично). Мол, пусть делает, что в голову взбредет, уже все равно.

Заснули вместе, переплетя пальцы. Или же, если быть точнее, то каждый из них так считал. В итоге Соколова просто затаила дыхание, закрыв глаза, в ожидании момента, когда сон захватит рассудок Алессандро. Манфьолетти же не стал никак изображать сон, а когда, наконец, подумал, что девушка уснула, аккуратно коснулся ее волос, разметавшихся на подушке.

— Прости, — шепчет тихо-тихо, едва слышно, не громче шелеста листвы на кронах деревьев в душную летнюю ночь. Шепчет, но сам не понимает, зачем.

Внезапно веко Дарьи дрогнуло. Для Манфьолетти незамеченным это движение не осталось, из-за чего он порывисто отдернул свою левую руку от ее волос. Однако правую вынимать из замка пальцев Дарьи не стал.

«Черный. Почему именно черный? Непривычно, будто совсем иной человек. И не только внешне. Она слишком изменилась за этот месяц...» — последние мысли, после чего Манфьолетти внезапно отключается, отправляясь в сновидения. Неизвестно когда за ним последовала Дарья и последовала ли вообще, но могу с точностью сказать лишь то, что разъединить их ладони она так и не осмелилась.

23 сентября.

Проснулись они, на удивление, тоже одновременно: от телефонного звонка, в половину четвертого. Соколову посетило липкое чувство дежавю, пока Алессандро искал свой мобильный.

В этот раз звонил не Дмитрий. Вызов исходил от неизвестного номера.

Злая шутка

Люди, которые без сомнений воткнут нож тебе в спину, улыбаются тебе в лицо, и надеются получить что-то от этого.

(Кора Рейли «Связанные ненавистью»)

— Пап, привет. Я хотела сказать, чтобы ты не беспокоился, я на даче, с друзьями, — Алессандро опешил. Из динамиков прозвучал голос живой Стефании. Охрипшей, слабой, но живой. Ему многое сейчас не понятно, кроме одного — мертвецы не говорят.

— Стефания, это ты? — Манфьолетти сначала растерялся и замолчал, но потом опомнился: время на сей момент явно не резиновое. — Ты с Джованни?

— Никаких мальчиков, ты что! — «Вот же черт. Значит, его держат отдельно». — Пап, ну мне пора, зовут, — на фоне слышались крики из рода «сучка, а ну отдала мобилу», от чего Алессандро невольно поморщился.

— Я тебя скоро вытащу, — прошептал, после чего сбросил вызов и встал с кровати. Мельком глянул в зеркало, пригладил свои волосы пятерней, потер глаза, затем быстро покинул комнату. Соколова даже знала, куда он направился: в свой кабинет. Необходимо отследить местоположение телефона, пока они не перевезли Руссо в другое место.

— Вот сучка, а ну отдала мобилу! — мужчина выхватил из руки Стефании телефон, после чего отвесил ей наотмашь сильную пощечину. — Вали обратно, жди, пока не скажем.

Ее пристегнули наручниками к батарее, перед этим не забыв хорошенько побить.

«Зато Манфьолетти теперь сможет найти меня, — на красные глаза проступили слезы. — Лишь бы Джо был жив»

Девушка уснула. Слишком вымотана, слишком голодна, слишком мало спала. *Слишком много всего.* На границе между сладкими грезами сна и реальностью она желала одного: «Господи, оставь Джованни жить».

— Вы заходите с этого входа, — рука взметнулась к парадной двери, — а вы с этого, — указал на неприметную серую дверцу. — Все, парни, давайте. Живее, живее! Где же ваш энтузиазм и жизнерадостность?

Один из молодых людей как-то нехорошо глянул на Алессандро.

— Дон Манфьолетти, — окликнул он его.

— Что еще? — Алессандро уже собрался выходить из автомобиля, но остановился.

— Убивать... всех? — запнулся после первого слова. Вздрогнул, будто что-то вспомнил, добавил: — То есть... — его перебили.

— Конечно всех, Джулиан! — рассмеялся Манфьолетти. — Всех, кроме Руссо и Конте, если последнего вообще там держат. — Опять взялся за ручку двери. — Ничего не желаю больше слышать. Времени в обрез. Ни пуха, ни пера.

«К черту, все к черту, черт его возьми»

Дом оказался пуст. Ее избили и бросили умирать, а сами, видимо, спасали свои задницы, убежав.

«Может, это и к лучшему — меньше хлопот. Остался только Конте»

Сейчас Алессандро вместе со Стефанией возвращались домой. Почти все закончилось.

Еще чуть-чуть, и с этим адом покончено.

(Надолго ли?)

Приехали. Манфьоветти выходит из автомобиля, уже почти расслабившись, оказывается около двери своего дома, как его передергивает.

«Боже, только не это. Только не сейчас. Только не ее, она же тут вообще не причем...»

Надпись на стекле, красной помадой: «Дон Манфьоветти, будьте осторожнее». А снизу смайлик с рожницей, у которой выставлен язык, — видимо, жест насмешки над Манфьоветти. Только последний был намазан не помадой, а... кровью.

— Дерьмо!

Мигом в кармане нащупывает нужную связку ключей, но только со второго раза попадает в замок. «И с чего это я так волнуюсь? Нервы, это все нервы» — заставляет себя сбавить шаг, однако едва оказавшись на лестнице, удерживает себя от того, чтобы не перелетать через ступеньку.

Заходя в комнату и увидев Соколову, вновь просто лежащую на кровати и сверлящую взглядом потолок, выдохнул. Практически упал на край матраса, тихо, но очень грубо выругался итальянским матом и потер переносицу.

— Вы чего? — переводит взгляд на Алессандро, приподнимаясь на локтях. — Что-то со Стефанией?

— К тебе кто-то заходил?

— Нет, никого не было, — теперь Дарья полностью села, скрестив ноги в позе лотоса. — Так что со Стефанией?

— С ней все нормально. Она внизу с Мазарини, — ответил, скорее на автомате, затем снова замолчал, задумавшись. — А никто посторонний в дом не приходил?

— Да нет, — девушка вскинула брови. — Что произошло?

— А кто выходил из дома? — казалось, Соколова готова была уже придушить Манфьоветти за обеспеченную ей тревожность на остаток дня.

— Что случилось то, в конце концов? К чему вы говорите загадками? — он все еще молчал. Поднялся с кровати, подошел к окну, открыл его, вновь закурил.

«В последнее время стал много курить. Не хватало мне сейчас еще и на стакан присесть»

— Алессандро! Вы меня вообще слышите? — она тоже подошла к окну, схватила с подоконника пачку его сигарет и достала зажигалку из своего кармана.

— На входе мне оставили послание. Одно — помадой, второе — кровью. Почему-то подумалось, что тебя тоже... — запнулся, прокашлялся и махнул рукой. — Не важно, у меня уже крыша едет.

Услышал шуршание картона и щелчок. Чуть позже завоняло табаком вдвое сильнее.

— Убери от себя это дерьмо, — смерил Соколову осуждающим взглядом.

— Вы сами сейчас курите, — кивнула на сигарету в пальцах Манфьоветти. — Да и какая вам ра... — девушка не успела договорить, ибо ее совершенно бесцеремонно схватили за запястье и отобрали никотиновую палочку. Едва начатая сигарета полетела в пепельницу и была затухлена. Дарья округлила глаза.

— Кончай с курением. Тебе анорексии не хватает?

«Когда это он решил примерить на себя роль моего отца?»

24 сентября.

— Джулиан, ты в своем уме? Или прикалываешься? — четыре утра, телефонный разговор, больше походивший на ор, который услышит даже Соколова на другом конце дома. Алессандро не помнит, сколько выпил за эту ночь. Однако прекрасно осознает, что много. — Вы серьезно не можете найти Конте? Чего, мать вашу, в этом сложного? Придурки, вас там дюжина человек штаны просиживает!

Спать Манфьолетти приходит только в шесть. Усмехается, когда замечает застывшее дыхание Соколовой, — претворяется, якобы спит. Она вздрагивает и обхватывает себя руками, когда слышит перегар, исходящий от Алессандро. Матрас прогнулся. Дарья отодвигается на край кровати, но после облегченно выдыхает, когда слышит сопение.

Проснулся главный герой в одиннадцать, что максимально странно и противоестественно для него. Он спал бы и дальше, учитывая, сколько вчера выпил, только вот в дверь кто-то настойчиво стучал. Вторая половина кровати оказалась холодной и пустой, — Соколова куда-то ушла, — а голова нещадно болела, будто ее раскололи на две части.

— Дон Манфьолетти! — испуганный до чертиков Джулиан практически ввалился в спальню. Глаза бегали по отеку лицу Манфьолетти. — Происходит какой-то абсурд, вы не поверите.

Молодой человек повел его на улицу. Подошли к забору, остановились подле толпы случайных зевак и его подчиненных.

— И что? Что происходит? — злобный взгляд метнулся в сторону Джулиана. — Мне кажется, что меня уже ничем не уди...

— Нет же, посмотрите вверх, — солдат позволил себе такую дерзость, как перебить Дона. Либо произошло что-то поистине чудовищное, либо...

— Какого... — его рот открылся и закрылся. На дереве, прямо перед ограждением участка было повешено тело Руслана. Губы размалеваны красной помадой, а на лбу кровавая надпись «Джо». И снова тот поганый насмехающийся смайлик. — Вот же уроды!

— Я же сказал тому подонку, чтобы избавился от его тела! Откуда этот полуумок тут вообще взялся? — Алессандро пил со Стефанией в своем кабинете.

При внешнем осмотре на вскрытии оказалось, что жертве посмертно вырезали язык и подвесили на шею, вдев в него золотую цепочку. Происходящее на этот момент больше походило на фильм ужасов, чем на реальность. Как будто нападавший решил применить психическую атаку, чтобы окончательно сломать их.

Девушка сидела едва ли не в истерике. По сути, она такая же, как Соколова — не в то время, не в том месте, не с теми людьми. А потом разгребай подарки судьбы половину (если не до конца) жизни.

— Кто это вообще может быть? Зайцев? Мой отец? Русские, в конце концов? — берет в руки стопку бумаг с некой информацией, начинает быстро перебирать каждый лист. — Если судить по отчетам Джулиана, Николая четыре года не было в Италии. Он лежит с раком желудка в немецкой клинике. Хотя, как я сейчас могу кому-то доверять...

— Ты говоришь сам с собой? — Стефания невесело усмехнулась и налила себе еще коньяка. Того самого коньяка, который пил Алессандро этой ночью.

— Что последнее ты помнишь со своей свадьбы?

— Я общаюсь с тетужкой Джованни, а после... ничего, — ее лицо побледнело. —

Ничего. Абсолютно ничего, — Руссо даже едва не пролила алкоголь мимо рокса. — Нет, ты не понимаешь. Как провал в памяти!

— А когда пришла в себя? Первое, что увидела?

— Я... я не знаю.

— То есть?

— Вообще ничего не помню. Не помню даже как смогла позвонить тебе.

Манфьолетти выжал из себя что-то нечленораздельное, из рода, «вот дела» и они продолжили пить. Ему было страшно вновь вернуться к алкоголизму, но, сейчас он хотя бы не бухает в одиночку.

«И что от этого меняется?»

Соколова устроилась на подоконнике, крутя вокруг пальца кольцо. Не обручальное, а то, которое ей одолжил Алессандро. Вопрос: зачем? Зачем он дал ей свое кольцо?

«Маячок? Чтобы следить за мной? Да ну, бред же. Я ему к чертям не сдалась. А что тогда? Скрытая видеочамера?» — Дарья даже усмехнулась. — «У меня непомерно завышенное самомнение».

Девушка настолько ушла в свои мысли, что даже не заметила, как в комнату зашел Манфьолетти. Да и тем более, она сидела в наушниках, так что будь у нее хоть тысячу раз идеальный слух, ее бы это не спасло.

— Алессандро, что вы... — он ее уже не слушал. Резко накрыл холодные иссохшие губы девушки своими, сразу вторгаясь языком ей в рот. В нос Соколовой ударил проклятый ею запах спирта, от чего она поморщилась и захотела отстраниться, только спина уже упиралась в стекло окна.

Вот *сейчас* происходит реальный бред.

Левая рука Манфьолетти мгновенно оказалась на ее талии, а правая держала за подбородок, не давая даже малейшего шанса выбраться из его хватки. В эту же секунду его ладонь каким-то образом сместилась с талии под футболку.

Чудовищная нелепица, больше походившая на начало акта изнасилования. Это вообще реальность?

— Алессандро, — мужская рука поднялась выше, игнорируя протесты девушки и обводя холодными пальцами каждое ее ребро, подбираясь к ложбинке груди. На глазах Соколовой уже проступили слезы: он бухой, причем в стельку. В обычном состоянии до него не достучаться, о чем уж говорить сейчас. — Алессандро! Остановитесь, — голос дрогнул.

Стало ужасно страшно, поэтому Дарья даже не помнит, как ее рука взметнулась в воздух и залепила мужчине пощечину. Слабую, но это не отменяет того факта. Воспользовавшись моментом, девушка быстро соскальзывает с подоконника и едва сдерживает себя, чтобы не побежать куда-нибудь в подвал, за семь замков.

Эту ночь она явно будет спать в гостиной.

25 сентября.

Снова просыпается с головной болью и отеком лица в двенадцатом часу дня. Снова от стука в дверь и возгласов Джулиана. Снова в ужасном настроении: воспоминания этой ночи, словно (от всего сердца извиняюсь) дерьмо в проруби, всплыли наверх сознания с мыслями «какой же я чертов придурок».

(Снова)

— Дон Манфьоветти, мы отследили местоположение Конте.

Оказалось, что телефон Джованни вновь появился в сети и вышка, в порту Марсалы, запеленговала его. Это совершенно ничего не доказывает, но хотя бы попытаться надо.

«Да и сейчас не время для самобичевания. Вернусь домой — извинюсь»

— Он не передвигается? — Манфьоветти хотел услышать «да». Простое «да», после чего вжал бы педаль газа в пол автомобиля и за несколько минут достиг порта.

— Нет, так и остается на месте. — Алессандро закатил глаза.

Двое суток. Сорок восемь часов, после которых отыскать без вести пропавшего становится значительно труднее, а шансы, что он останется жив, весьма снижаются.

Сто двенадцать часов. Уже идут пятые сутки. Он может быть давно как мертв.

— Мы...

— Двигается! — вскрикнул Джулиан, тем самым в который раз перебив Манфьоветти. Последнего уже это начинало изрядно бесить, однако на сей момент он даже не стал акцентировать на этом внимания.

— Телефон?

— Да, он уходит в море.

Алессандро выходит из машины. От причала только что начала отдаляться небольшая яхточка. В эту минуту больше никто не отплывал.

Манфьоветти извлекает из внутреннего кармана плаща ключи, подобные автомобильным, и быстрым шагом направляется вдоль берега.

— Вы куда? — ей-богу, главный герой уже сто раз успел пожалеть, что согласился нанять этого слабоумного к себе на службу в советники. Вряд ли он еще когда-то станет искать себе консилъери.

— За ним, — мотнул рукой куда-то себе за спину.

— Синьор, можете, пожалуйста, повернуть к причалу? — кричал Манфьоветти, ибо из-за ветра и шума моторной лодки едва ли что-нибудь можно было расслышать.

— Извините, конечно, но с какой это стати? — глаза Алессандро недобро сверкнули, когда на них упал луч солнца. Он полез в карман брюк, вытянул из него свой паспорт. Распахнул один из разворотов и буквально ткнул незнакомца носом в свою фамилию. Тот без лишних слов повернул к берегу.

Суша. Под ногами наконец-то устойчивая земля.

— Я вынужден обыскать вас и ваше средство передвижения, — Джулиан кивнул в сторону все той же яхточки, на этот раз привязанной канатом к берегу.

— Да вы в своем уме? — пожилой мужчина был готов сесть от удивления прямо на песок. — Это частная собственность, вы не имеете никакого... — он замолчал, когда Алессандро подошел к нему вплотную и вжал в его живот дуло пистолета. Прохожие могли заметить только побледневшее лицо хозяина парусника, ибо оружие полностью скрывалось под плащом.

— У меня глушитель, так что не надейся, что кто-то услышит выстрел, — вжал дуло сильнее. Теперь холодный металл упирался в ребро, не смотря на количество жира в теле этого мужчины. — И только попробуй заорать. Пискнуть даже не успеешь, поверь мне на слово.

Джулиан получил одобрителный кивок и ступил внутрь судна, следуя по навигатору.

Стоп. Он на месте.

Смартфон Джованни просто лежал на журнальном столике, на палубе. В других помещениях никого не было. У пожилого синьора тоже ничего не нашли. Алессандро коротко извинился перед ним, сунул в руку несколько купюр и поспешил убраться прочь.

— Черт, да что ж такое-то! Нас, как лохов, за нос водят, — Манфьолетти от досады даже пнул пустую жестяную банку из-под пива, оказавшуюся на его пути.

Но внезапно он остановился, из-за чего Джулиан едва не врезался в его спину.

— Да, мы действительно лохи! — стремительно подошел к своему автомобилю, завел его и нажал на газ, не став дожидаться своего спутника и оставив его на побережье.

Часом ранее.

— Дац, привет, — этот ломаный русский и тихий стук в дверь она узнает из тысячи.

— Джованни? Это вы? — Соколова мигом забывает про существование интернета и быстро откладывает телефон в сторону. Обводит взглядом мужчину, замечая, что на его теле не оставлено ни единого следа травм.

(Весьма странно)

Конте закрывает дверь изнутри на защелку, вытягивая из кармана неизвестный Дарье предмет в чехле.

— Да, это я, — резко набрасывается на нее, поначалу попадая ножом в правую сонную артерию, а затем ведет кровавую полосу до левой.

Соколова вскрикивает от неожиданности, отшатывается, а после оседает на пол. В этот раз ее не спасут. Вся удача давно уже исчерпана.

(Это конец)

Пока летит на паркет, мельком, будто сквозь толщу воды, слышит стук чего-то металлического о деревянную доску. Это кольцо. То самое кольцо Манфьолетти сорвалось с ее тонкого пальца и покатило под кровать. Теперь на камень попадает луч солнца и тот его возвращает пространству, отражая от своей гладкой поверхности.

(Звон в ушах)

Дарья не чувствует боли, нет. Совсем нет. Только едва лишь ощущает, параллельно пытаюсь дышать через порез, как по ней течет что-то теплое и липкое.

(Кровь)

Противнейший звон становится громче, черная сеточка перед глазами становится все толще, в итоге чего сознание и вовсе погружается в темноту.

(Смерть)

Последний вдох дается ей с трудом. Закрывает от слабости глаза и больше их не откроет.

(Никогда)

Дом его встречает оглушительной тишиной, точно на кладбище. Словно все люди в этом доме вымерли.

(Так не бывает)

Это просто не естественно для данного места.

Вот сейчас Алессандро, зажав в руках пистолет, нисколечко не сдерживал свой бег. Перескакивая через ступеньку, оказывается на втором этаже.

(Море)

Приехал с побережья Средиземного, попав в центр *кровавого*. Вся, абсолютно вся площадь коридора усеяна телами. Красная помада на их губах, смайлики на лбу, а в руки вложены отрезанные языки. Их языки.

Алессандро едва сдерживал рвотный позыв. На подгибающихся ногах заходит в свою спальню. Зажмуривается, затем распахивает глаза настолько сильно, насколько это вообще возможно.

— Нет... Нет-нет-нет. Это же бред, — сначала бросает взгляд на Соколову с перерезанным горлом, а следом переводит на... своего отца. Андреа нависал над телом Дарьи, с любопытством разглядывая язык в ее руке.

— Алессандро, я знаю, о чем ты сейчас думаешь, но выслушай, — пожилой мужчина поднял руки вверх, показывая тем самым свою безоружность.

Но Алессандро не захотел его слушать. Недолго думая и глотая ком в горле, спустил курок. Звуча не было — глушитель. Тело Андреа тяжелым грузом валится на все тот же паркет, пока главный герой оседает на колени.

(Все кончено)

По щеке Алессандро катится слеза, но он находит в себе силы подняться.

(Только лишь подняться)

Манфьоветти не смог подойти к Дарье. Не посмел. До сих пор не верил во весь этот кошмар.

(Только в этот раз она обречена)

Неожиданно в голову приходит мысль о Стефании. Если мертва и она — Манфьоветти попросту сам себя застрелит.

Наконец, обыскав весь дом, врывается в свой кабинет. Последняя надежда. Если Руссо нет и здесь, он серьезно сейчас пойдет и приступит вязать себе пе...

— Алессандро, вот так встреча! — его мысли оборвал знакомый до чертиков голос. Смотрит на Стефанию, потом на Джованни, затем вновь на Стефанию.

Девушке *тоже* отрезали язык, но убивать не стали, поэтому она сидела связанная на стуле. Все по классике: красная помада, кровавый смайлик на лбу.

— Джованни, какого черта ты все это время пропадал? — на Конте обрушивается трехэтажный мат, но тот даже не морщится. Напротив: достает из-под ремня брюк пистолет, направляя дуло, прямоком, в голову Алессандро.

— Здорово это я придумал, да? — смеется Джованни. На сей момент, он выглядит точно как сумасшедший. — Запутал тебя, подставив твоего же отца. Твоя вспыльчивость сыграла с тобой *очень* злую шутку.

Манфьоветти недоумевал. О чем вообще он сейчас говорит?

— А до того? Я нанял Мастронарди, подставив Руслана и заставив Себастьяна плясать под мою дудку, — еще раз рассмеялся, теперь сильнее прежнего. — Близкие! Их близкие — это рычаг управления над людьми. Смотрю, эта девочка оказалась тебе ближе и дороже родного отца...

— Это ты убил ее? — голос Алессандро сел. Он не верил. Просто не хотел верить. Да это же *невозможно*.

— Ой, а ты только сейчас это понял? — вновь залился дьявольским смехом, а в его глазах пляшут чертики. — Я перехитрил вас *всех*. Отвлек тебя, а твои люди без твоего управления — жалкие громилы, ничего не смыслящие и с абсолютным отсутствием

логики, — Джованни зажал пистолет в руках покрепче. — Не хочешь убить меня? Твоей ненаглядной Стефании явно необходима медицинская помощь, какую она никогда не получит, пока я здесь нахожусь.

— Для чего? Для чего ты их убил? Их *всех*, — казалось, что Манфьолетти сейчас выронит оружие из рук. В эту секунду он слаб, действительно слаб. *Так* его еще не предавали. Это было поистине сродни ножом в спину.

— Для чего? Я не знаю. Захотелось.

— Серьезно? «Захотелось»? — главный герой даже ссутулился. Конте сошел с ума. Его психика не выдержала такой нагрузки и сломалась. Теперь, он намеревается сломать психику остальных.

— А сейчас, когда ты знаешь причину, может, выстрелишь в меня?

Манфьолетти не мог. Все равно не мог. Каким бы уродом не был его друг, он не...

— Выстрелю.

Их пальцы нажали на спусковые крючки одновременно, практически на раз-два-три. Однако пистолет Джованни оказался незаряжен, и его хозяин об этом прекрасно знал.

С ухмылкой отшатывается и падает. Во лбу Конте зияет дыра, Алессандро жив, а Стефания в эту секунду потеряла сознание.

(Он убил своего лучшего друга и отца за один день, овдовев)

Наверное, 25 сентября для него теперь тоже самый ужасный день, подобный 24 декабря 1999 года. Но теперь Алессандро вырос и точно знал, что *как прежде уже не будет*.

(Теперь точно все кончено)

Манфьолетти остался один, среди моря трупов. Его родители, брат, друзья и даже жена — мертвы. Как иронично — сейчас его психотерапевт сама забилась в угол и нуждается в психологической помощи.

(Если не психиатрической)

— Почему все так закончилось? — практически падает на пол подле Стефании, вызывая «скорую».

— Разве слезы могут помочь мёртвым?

— Сомневаюсь, что им есть какое-то дело до нас. В конце концов, для них время остановилось в момент смерти.

(Сасаки Нобуко, Донно Куникида «Великий из бродячих псов»)

Дарью похоронили красиво. Гроб был усеян веточками лаванды, а тело ее обтягивал белоснежный костюм. Безжизненные губы никогда больше не смогут совершить вдоха, а красный порез на шее значительно побледнел. Она не дожила всего четырех дней до своего девятнадцатилетия.

На похороны явилось трое: Алессандро, Русецкий и Мазарини. Стефания же захотела вернуться домой, в Неаполь. Она больше не могла разговаривать, поэтому и работу психотерапевтом ей пришлось прекратить. Манфьюолетти возражать ей не стал, но, тем не менее, прекрасно осознавал, что будет скучать по Руссо.

— Этого не должно было произойти, — поджав губы, шепчет Алессандро. Похороны Дарьи стали первыми похоронами в его жизни, на которых он всерьез сдерживал слезы.

Зачем он ходит сюда каждый вечер? С какой целью?

— Дащ, — Алессандро присел на корточки рядом с могилой.

Вновь кладет эти треклятые веточки лаванды подле надгробья. Из глаз проступили слезы, которые он тут же смахнул.

«Это я виноват. Виноват, что допустил это»

— Я, похоже, привязался к тебе, — неожиданно, даже для себя, прошептал мужчина. Он испугался слов, которые сорвались сейчас с губ, ведь сам до этого момента не понимал своих чувств. Теперь он выглядит, словно умалишённый — разговаривает с надгробьем. На что он надеется? Что Соколова восстанет из-под земли? Что заберет его с собой на тот свет? Он не знал. Знал одно: он ее когда-то успел полюбить. Но не смог сказать это Даше при жизни, глядя в глаза. Не смог этого понять в полной мере, пока она была жива.

— Да какая к черту любовь?..

«Почему? Почему все закончилось так? Так не должно быть! Только не так...» — никто не ответит на этот вопрос, но он будет озвучиваться вслух еще долго. А в мыслях еще дольше...

Почему все не могло закончиться, словно в дешевом бульварном романе? Где же обещанный и всеми ожидаемый хэппи-энд? Какого черта мир настолько реалистичен и жесток?

Ее погубила не анорексия, не Мастронарди, не сам Алессандро, а тот человек, от которого все ожидали данного поступка меньше всего. Он перерезал ей обе сонные артерии, не оставляя даже шанса на то, чтобы выжить.

(Она так и не обратилась к нему на «ты»)

— Прости меня. Прости, прости, прости... — тихо повторялось вновь и вновь.

А что значит это «прости»? Теперь уже пустые слова. Манфьюолетти никогда не выглядел настолько слабым. Никогда. Даже в тот момент, когда убивал отца или разговаривал с Конте перед его кончиной.

Он так и не извинился перед ней за тот цирк, что устроил, будучи пьяным. Не извинился ни за единое грубое слово, что ей наговорил за месяц, который они провели

вместе. Ни за что не извинился. Проямлил лишь то тупое «прости» ночью, когда они спали вдвоем в предпоследний раз. Хотя, последнюю их совместную ночь можно и не считать, ведь кто еще иной, если не Алессандро, мог бы нажраться в хлам и все испортить именно в самом конце?

Она умерла из-за него.

Закрыв лицо ладонью, два раза вдохнул и поднялся с колен. Пошел прочь, не оглядываясь. Не посмел. Просто не посмел.

«Почему все закончилось именно так?»

...человека начинают ценить лишь тогда, когда его больше нет.

(Э. М. Ремарк «Тени в раю»)

Конец.